

Страшное гадание

Автор:

Елена Арсеньева

Страшное гадание

Елена Арсеньевна Арсеньева

«Русская кузина», Марина Бахметева, появившаяся ни с того ни с сего в замке английского лорда Десмонда Маккола, мало кому пришлась по душе. Пуще всех сторонится ее сам хозяин. Никому и в голову прийти не может, что Марина – никакая не кузина ему, а венчанная жена, однако брак их свершился при таких странных обстоятельствах, что молодые люди его тщательно скрывают... как скрывают даже от себя любовь, владеющую их сердцами. Интриги, колдовство, предательство, роковые тайны, коварство опутывают Марину и Десмонда со всех сторон. Бурные волны событий то разносят их в разные стороны, то бросают в объятия друг к другу. И постепенно Марина начинает понимать: есть на земле сила, которая преодолагает все беды. Имя ей – любовь!

Книга также вышла под другим названием: «Тайная жена».

Елена Арсеньева

Страшное гадание

Длиннее дороги лишь ветер один,

И глубже любовь

Всех подводных глубин!

Баллада о загадках

Жених или черт?

«Пожалуй что, на коровьей шкуре было бы надежней!» – сердито подумала Марина, зябко поводя плечами: из-под двери немилосердно несло по ногам. И усмехнулась: на коровьей-то шкуре она еще пуще намерзлась бы. Ведь шкуру следовало непременно снести к проруби, на реку, в рождественскую вьюжную ночь, и там, севши, очертиться кругом, и глядеть в темную воду, и творить заклинания: «Ой вы, духи водяные, укромные, тайные и потайные, черные, рыжие, белые, карие! Возьмите меня, рабу божию Марину, на свои руки сильные, да не замайте, и несите меня, рабу божию Марину, хоть по всему белу свету, а покажите мне, духи водяные, тайные и потайные, жениха моего нареченного!» По рассказам сведущих людей, вскорости должна непременно замутиться, заклубиться вода в проруби, и оттуда покажутся те самые... с рожками, черные да мохнатые. Они выскочат на лед, встряхнутся и, покорные заклинанию, схватят за четыре конца коровью шкуру с сидящей на ней отважной девицей – и поднимутся ввысь. Понесут по воздуху любопытную Марину, куда ее судьба поведет, будь то хоть Москва, или Санкт-Петербург, или Малороссия, или, сохрани боже, промерзлая Сибирь, а то и вовсе непредставимая чужеземщина. Да, уж тут она подрожала бы на свирепом ветру: ведь нечистая сила небось летит быстрее птицы, даром что в сердцах называют ее «нележкой»! Впрочем, и ей нелегко пришлось бы: ведь черти, жаждущие отмщения, разъяренные тем, что их заставили служить человеку, вдобавок – глупой девке, во что бы то ни стало тщились бы или скинуть ее со шкуры, или заставить хоть пальчик высунуть из охранного круга. Но не зря сказано: «Дай черту палец – он всю руку отхватит!» И едва вцепятся мохнатые когтистые лапы нечистиков в свою жертву – все, поминай как звали: уволочут в подводные и подземные глубины, в самое пекло разок согрешившую душеньку (это ведь одна только тетушка уверена, что грехи влачатся за Мариною подобно цепям да веригам юродивого!), а злосчастное, выпотрошенное тело ее будет брошено рядом с прорубью и той самой шкурою...

Ой, нет! С зеркалом гадать не так страшно. Вот только сквозняки здесь... Баню топили с утра – теперь она почти выстыла. Одно хорошо: в такую холодину уже не сунется мыться всякая сила нечистая: банники, домовые, русалки, черти... Хорошо было бы дома, в своей светелке, жарко натопленной! Нет, приходится

ночь коротать в баньке, потому что тетушку дядюшка еще задолго до Рождества велел выдрать всякого, кто осмелится снег полоть, либо воск топить, либо щупать полешки в поленнице, бегать украдкой в овин – спрашивать «хозяина» о богатстве или бедности будущего жениха, – словом, запретил все, что исстари проделывали красные девицы, желая узнать свою судьбу.

Марина по себе знала: побоями заневестившуюся девушку не испугаешь... Но дядюшка, разойдясь, не знал удержу в жестокости обхождения со своими дворовыми людьми: девок насильственно бесчестил, а мужиков и баб порол нещадно, привязав прежде к кресту, нарочно для сей цели сделанному. Жена на этот жестокий блуд смотрела сквозь пальцы: как и многие записные грешницы, с наступлением старости она обратилась к религии и была теперь украшена сединой и добродетелью, совершая свой туалет исключительно святой водою и ладаном. Из-за этого вокруг нее стоял запах – такой благодный и сильный, что ни человеку, ни черту не вынести. Тетка же все равно во всем видела вражьи козни. Слушая ее, казалось, будто она находится с дьяволом в самой тесной дружбе, до того ей хорошо были знакомы все его привычки и взгляды. Да кабы она только нравоучительствовала! В изобретательности наказаний для ослушной прислуги она превосходила самих работников адовых, у которых, известное дело, весьма убогий набор мучений: ну, поджаривают грешников на сковородках, ну, варят в смоле... А кто из них пробовал поставить дворовую девку голыми коленками на пол, утыканный гвоздями, да бить по спине тяжелым вальком? И при этом не просто злорадствуя, а вопия об очищении духовном...

Разве удивительно, что ни одна из Марининых сверстниц, знавших ее сизмальства, не осмелилась нынче разделить с барышней ее ночное бдение – даже не в доме, а в баньке, притулившейся на самой окраине огромного сада, надежно скрытой от господских окон столетними неохватными деревьями и непролазными зарослями шиповника?

Герасим, самый опасный в доме человек после господ, любимый слуга и отъявленный наушник, сущий пес натасканный, громогласно вторил барыне: мол, не задумается прийти ночью в девичью – выискать ослушниц. Девки боязливо отводили глаза: знали, что Герасим не только по-звериному жесток, но и столь же похотлив. Он во всем был наперсником барина и не только подъедал после того остатки, но порою не стеснялся даже распробовать нетронутое «кушанье» – и ему все сходило с рук. Да, страху барин с барыней напустили на все поместье, однако никакие запреты и угрозы не могли помешать любопытным

девушкам, скажем, наесться на ночь соленой капустки до отвала, чтобы ночью мучила их жажда, а воды напиться подал бы им во сне суженый!

Однако Марине такое гадание казалось ненастоящей забавой. Уж сколько раз она это пробовала: на прошлое и позапрошое Рождество, и Крещение, и Катеринин день, который тоже считается подходящим для выведывания судьбы, – а все попусту: сны растворялись в ночи, и, ежели даже навещал кто-то Маринины грезы, вспомнить об этом поутру она никак не могла. А ведь ей уже девятнадцать. Пора, пора узнать, какая ей приурочена участь. И даже ежели суждено остаться вековухой [1 - Старой девой (старин.)], то следует проведать об сем заранее, чтобы подумать о будущем. Терпение ее от жизни при несносных и жестокосердных опекунах истощилось, и, ежели не найдется мужчина, который возьмет на себя заботу о ней, Марина возьмет эту заботу в свои руки. В конце концов, по завещанию родительскому она столь богата, что даже и самый зажиточный монастырь с радостью примет эти богатства – вместе с их обладательницей. Правда, сказано было в завещании, что Марина может войти во владение своим состоянием либо при замужестве, либо после двадцатилетия своего. Остался год... один только год ей терпеть в своем родительском доме постылых опекунов, а пока и пикнуть не смей.

Эх, сбежать бы куда-нибудь на этот год... хоть за тридевять земель! Нет, надо было пойти все же к проруби... А как черти занесли бы ее в неведомые страны, со шкуры-то и соскользнуть!

Марина невесело усмехнулась – да и ахнула. Ну о чем она только думает?! Ведь полночь наступит с минуты на минуту, а у нее еще ничего не готово!

Тетка, дядя, их затурканные крепостные, черти, наследство, коровья шкура и прорубь вмиг вылетели из головы. Марина схватила зеркало, тайком унесенное из светелки, прислонила его к чурбачку, поставила рядом свечу (надо бы две, но она до смерти боялась чужого глаза, привлеченного светом, сквозившим из баньки!) и два красивых серебряных стаканчика с вином да два ломтя пирога. Ничего, кроме этого, раздобыть Марине не удалось: ключи от буфетов и шкафов с хорошей посудой тетка самолично носила на поясе.

А вдруг жениху не понравится угощение? Вдруг ей сужден царский сын, к примеру!

Очень хотелось перекреститься, как перед началом всякого дела, однако же никак было нельзя. Зажав на всякий случай руки меж коленок, Марина поглубже вздохнула – и проговорила заветные слова:

– Суженый мой, ряженый, приди ко мне вечерять!

Собственный голос показался Марине до того дрожащим и жалобным, что она рассердилась. По счастью, заклинание следовало произнести трижды. В другой раз голос звучал уверенней, ну а в третий и вовсе хорошо вышло:

– Суженый мой, ряженый, приди ко мне вечерять!

Она уставилась в зеркало так пристально, что заслезились глаза.

А там ничего не было, кроме дрожащей свечи и бледного девичьего лица. Глаза казались темными и глубокими, и Марина, с невольной завистью к своему отражению, подумала, что вот кабы и на самом деле были у нее такие загадочные глаза, может, и не сидела бы она сейчас в баньке, гадая, грядет ей свадьба или нет: небось само собой уже кто-нибудь к ней присватался бы. Хотя... где б он увидел Марину, жених богоданный? На балах она бывает годом-родом, да и одета так, что уж лучше таиться в уголке, не танцуя, избегая приглашений, чтобы некий учтиво-насмешливый кавалер не вытащил на всеобщее обозрение мятые фижмы и вышедший из моды роброн. Богатейшая невеста губернии выглядела наибеднейшей приживалкою, и это продлится еще год. Только год... целый год! Ах, кабы и впрямь надевать куда-нибудь на этот год, а потом, ко дню своего двадцатилетия, заявиться к тетке с дядькою, небось уже потирающим руки в предвкушении часа, когда состояние безвестно сгинувшей племянницы к этим жадным рукам прилипнет! Но куда скрыться? Удариться в бега, подобно опозоренной дворовой девке? Настигнут, схватят, приволокут назад... У Марины ведь ни денег на путешествие, ни места, где можно притаиться, нет.

Горячая слезинка побежала по заолодевшей щеке, и ее прикосновение заставило Марину очнуться. Ну вот, за своими печальными мыслями она опять забыла, зачем здесь сидит! Тупо глядится в зеркало, думая о своем, а ведь сказано, не раз было в девичьей сказано: только о нем, неведомом и желанном, думать, только его призывать! И она вновь забормотала, стискивая ворот

полушубка:

– Суженый мой, ряженный...

Горло вдруг перехватило. Отражение свечи заметалось, забилося, как если бы его коснулось резкое дыхание ветра... или чье-то чужое дыхание. Марина зажмурилась от страха, а когда открыла глаза, едва не свалилась с лавки, увидев в зеркале рядом с собой незнакомое лицо, глядящее на нее с удивленной улыбкою.

* * *

Рука сама взлетела для крестного знамения, и пальцы уже сложились щепотью, но брови на незнакомом лице укоризненно сдвинулись, и Марина спохватилась, что видение от креста исчезнет, как и от молитвы. Рука безвольно упала на колени, и Марина уже не сводила глаз с лица незнакомца, жадно разглядывая каждую его черточку.

У него были русые брови, одна из которых низко лежала над глазом, а другая была изогнута резким насмешливым углом. Глаза его тоже казались темными, и это на миг разочаровало Марину, которой больше нравились голубоглазые да сероглазые. И рот у него был какой-то переменчивый – то улыбочивый, то недобро поджатый, как бы скрывающий насмешку. Худые впалые щеки, резко очерченный нос, сильный подбородок.

Марина затаила дыхание. Незнакомец с его худым лицом, дерзкими глазами и насмешливым ртом не отличался особенной красотой. Однако было в его настойчивом взгляде нечто, заставившее сердце Марины затрепетать, а губы – невнятно прошептать новое заклинание:

– Люб ты мне, суженый-ряженный, а потому выйди в мир божий хоть на час, хоть на минуточку!

И она замерла в ожидании: сбудется? Нет?

Сбылось! Лицо в зеркале заколебалось, а потом Марина ощутила движение за спиной.

Она обернулась – так резко, что едва не слетела с лавки, ладно что он успел схватить ее за плечи и поддержать.

Марина даже спасибо не нашлась сказать – глядела на него не отрываясь, словно отведи она взор – и незнакомец исчезнет. Она даже накрыла ладонями его руки на своих плечах, чтобы удержать его. С той поры, как призрак выходил из зеркала, нельзя было ни слова молвить. Однако как же его пригласить к столу? Затем Марине следует сделать две совершенно необходимые вещи, из коих первая – выяснить, не черт ли к ней припожаловал, подслушав девичьи мечты и приняв облик пригожего молодца. Для сего предстояло как-нибудь исхитриться и заглянуть ему за спину: не вьется ли хвост? – а потом разглядеть ноги: не с копытами ли? Ну а ежели удастся убедиться, что перед ней подлинно человек, а не дьявол, надобно улучшить миг и выкрасть какую-нибудь вещь, ему принадлежащую: гребешок, или платок, или зеркальце – любую мелочь, которая будет как магнитом притягивать суженого к суженой и не даст ему избежать предначертанного.

Марина робко улыбнулась – и тут же незнакомец улыбнулся в ответ. Это была обольстительно-развязная улыбка, и сердце Марины громко, тревожно стукнуло. Видать, ее суженый малый не промах, и Марине в будущем придется присматривать за ним в оба. Пока же она рассмотрела только, что глаза его оказались вовсе не черными, а совсем светлыми, серыми или голубыми.

Они стояли, схватившись друг за друга, и рассматривали друг друга, и улыбались. И вдруг он заговорил...

У Марины громко застучало сердце. Она ожидала, конечно, что призраки будут изъясняться не по-русски, а на каком-то своем, неизвестном наречии, и в первую минуту все, что он говорил, показалось ей сущей тарабарщиной, однако уже через миг ей с изумлением открылся смысл этих речей! Она понимала речь призраков! Пытаясь успокоить ее, он употреблял самые галантные и учтивые выражения. У Марины все мысли пришли в смятение от слов, им сказанных: она-де, красавица неопишная, с первого взгляда ему пришлась по сердцу, и как же он счастлив, что ветер странствий занес его нынче ночью на огонек одинокой свечи, столь таинственно мерцавшей во мраке!..

Слова насчет ветра странствий несколько озадачили Марину. Что ли он болтался где-то в воздухе над землей, в компании других таких же призрачных женихов,

не зная, куда податься? И лишь нечаянно залетел именно на огонек Мариной свечи, а не какой-то другой? Выходит, их встреча – чистая случайность, а вовсе не предначертание судьбы? Но это не важно. Главное, что он здесь, что он любит ей, а она – ему, и теперь надо непременно уточнить, не черт ли это, и вытащить у него какую-нибудь вещицу на память.

А ну как учует недоброе, схватит Марину за руку, словно жалкую воришку? Надо отвлечь его. Но как? Его улыбающиеся губы были совсем близко, и Марина подумала, что вот хорошо бы поцеловаться, а тем временем... Тут же она спохватилась, что за всю жизнь свою так и не удосужилась научиться искусству поцелуя, – но вмиг забыла об этом, потому что милому ее гостю, как видно, пришла та же мысль, что и ей.

* * *

Оказывается, ничего не надо уметь! Надо лишь делать то же, что и он. Он, едва касаясь, провел своими губами по губам Марины, нежно усмехнувшись, когда та вздрогнула. Все в точности повторила она, и пьянящее ощущение своей власти пришло к ней, когда после легкого поцелуя в уголок рта все его тело содрогнулось. Прерывисто вздохнув, он накрыл ее губы своими. Марина хотела сделать то же, но не смогла: ее рот оказался в плену, а едва она приоткрыла губы, как туда вторгся нежный, сладкий его язык и принялся хозяйничать там по своему произволу. И как-то так все время получалось, что он натыкался на Маринин язычок и, словно прося прощения, прижимался к нему, ласкался и так и этак, свивался с ним, а ежели отпрянывал, то лишь для того, чтобы прижаться сильнее и нежнее. Губы тоже не уставали ласкаться, и даже зубы порою шли в ход, но, конечно, не до боли, а лишь для того, чтобы раззадорить, а потому исторгнуть нежный вздох из глубины слившихся ртов, а затем заставить затрепетать два тела, прижавшихся друг к другу.

И почудилось Марине, что плывет она в каком-то синем, голубом, бирюзовом тумане. Туман заполонил ее голову, все вокруг затянул лукавым мороком. И совсем растворилась бы она в нем, если бы не ощущение чего-то болезненно-твердого, прильнувшего к бедрам, а потом вдруг стало больно и груди. Оттого и приоткрыла скованные сладостной истомою веки и, увидев близко-близко затуманенные, отрешенные светлые глаза, поняла, что обнялись они с ее милым суженым столь крепко, что каждый изгиб их тел совпал с изгибом другого тела, будто сошлись частицы головоломки, а не только губы слились в неотрывных

ласках. Тут-то и оробела Марина: ведь жар, исходивший от тела незнакомца, едва не расплавил ее, раскалил, разжег – да так, что она начала задыхаться, будто в горячке. Однако новые, восхитительные, нежные касания его языка вновь окунули ее в переливчатый туман, где царили прекрасные, божественные ощущения... сладкие до невозможности.

Губы их были словно два соединившихся цветка, а языки, будто проворные пчелки, сновали из одного венчика в другой, поглощая медвяный нектар. Но эти томительные, с ума сводящие касания вдруг показались Марине чем-то малым по сравнению с тем, чего взалкало ее тело. Мало было прижиматься к незнакомцу – хотелось влиться в него, раствориться, как растворились один в другом их нацелованные рты, лишившись понимания, где чьи губы, чей язык, кто дарит поцелуи, а кто их принимает, и возвращает, и вновь принимает, и дарит. Все требовательнее напоминала о себе кровь, стучавшая в висках, в груди, в чреслах; из кончиков пальцев, чудилось, исходили искры, насквозь прожигая плечи, в которые впивались эти пальцы; все более сильные, томительные судороги расходились по бедрам, и Марина невольно повела ими из стороны в сторону, желая облегчить страдания того неведомого, напряженного, окаменелого существа, которое все сильнее вжималось в низ ее тела, словно бы слепо искало себе прибежища.

Отрывистый стон сорвался с губ суженого, и Марина почувствовала, что пол ушел у нее из-под ног. Голова закружилась, она испугалась, еще крепче цепляясь за широкие плечи, которые вдруг оказались не напротив, а сверху... Странная тяжесть накрыла ее; Марина изумленно поняла, что лежит... и холодок коснулся ее обнаженной груди.

Он расстегнул ей платье! Но как, когда?.. Ах, быстрый какой! Она хотела отвлечь его поцелуем, но отвлеклась сама – до того, что лежит теперь полураздета и нестерпимо горячие пальцы стискивают ее напрягшиеся груди. А другая рука... ох, нет, быть того не может! Господи Иисусе! Да что же делает она, эта рука? Почему осмелилась коснуться потаенного местечка, коего стыдится каждая девушка, ибо помнит, что именно оно – вместилище греха?

Теперь Марина знала, что поучения и острастки сии были истинны. Греховность растеклась по всем глубинам ее тела и переполнила их своим течением, выплескиваясь наружу. Она ощущала эту влагу меж бедер, и пальцы, ласкавшие ее, тоже были обильно увлажнены. Греховность прочно угнездилась в заветной впадине в чреслах и томилась там, и металась, алкала выхода. Ей было уже

нестерпимо в одиночестве, она жаждала другое существо, чтобы искутить его и переполнить тем же грехом, который теперь составлял всю суть ее. Грех вполне овладел Мариною! Это он обнажил ей грудь и бедра. Это он легкими, нежными и в то же время дерзкими касаниями заставил расцвести бутон ее женственности и так широко раздвинуть чресла, словно она отворяла некие заветные врата, через которые предстояло войти дорогому, желанному гостю. А он все медлил в преддверии, как если бы ему мало было оказанных почестей. Жарких слов не было таких, кои не сказала бы она ему, и бессвязные мольбы, срывавшиеся с ее пересохших от неутоленной жажды уст, были искреннее даже тех слов, кои она некогда обращала к небесам. Теперь весь мир, и небо, и земля, рай и преисподняя сошлись, воплотившись для нее в одном незнакомом существе, кое она тщетно молила явиться к себе и слиться с собой. И тогда Марина принялась извиваться под ним, завлекая его бесстыдными, змеиными движениями, о которых она и не ведала прежде, но которые вдруг открылись ей проблеском некоего древнего, заветного знания – и вселили надежду, что неумолимый гость все-таки отзовется на ее призыв.

И это свершилось! Жаркая плоть вторглась в разверстые недра... все существо Марины, обратившееся в ожидание, сотряслось от щемящей нежности, прозвучавшей в одном только слове, сорвавшемся с задыхающихся, воспаленных уст ее неведомого возлюбленного:

– Прости!.. – А потом раскаленная сила пронзила все тело, прервала дыхание, отняла разум, и она поняла, что суженый просит прощения за боль, которую причинил ей.

Боль все ширилась, все росла... и поделаться ничего было нельзя, ибо Марина сама завлекла к себе это неожиданное мучение. И она сдалась, перестала противиться, приготовилась умереть от этой боли... но та вдруг отступила, словно обрадованная такой безусловной покорностью.

Ничего более не терзало, не мучило – только наслаждало. Синие волны плыли перед ней; синие звезды качались на них, колыхались синие цветы. Но Марина знала – все те ошеломляющие, блаженные ощущения, которые осеняют ее, – это лишь ожидание, лишь подступы к неким вершинам.

И вот свершилось непереносимое счастье, от которого можно было умереть... глаза закрылись, похолодели уста, бессильно упали руки... и сон, похожий на беспмятство, а может быть, беспмятство, похожее на смерть, накрыли Марину

своим милосердным покрывалом.

Заморский кузен

В ту минуту, когда Олег Чердынцев впервые увидел эту божью тварь: шляпа сахарной головою, густо насаленные волосы, бруды [2 - Так в старину называли бакенбарды.] до самых плеч, толстый галстук, в котором погребена была вся нижняя часть лица, кривой, презрительно изогнутый рот, обе руки в карманах и по-журавлиному нелепая походка, – он ощутил враз два сильнейших желания. Первое: расхохотаться до колик, до того, чтобы грянуться наземь и задрыгать ногами; второе: крепенько дать по морде этой нелепой версте коломенской, коя, впрочем, отныне и навеки приходится ему, Олегу, кузеном.

Да, да! Диво заморское – двоюродный брат! Вдобавок старший... А все из-за того, что сестрица папенькина, Елена Юрьевна, четверть века назад по уши влюбилась в какого-то заезжего милорда и была увезена им в туманный Альбион, где и произвела на свет сие чучело гороховое. Тетушке Елене, которую Олег отродясь в глаза не видывал, он своего мнения высказать не мог: она уж десяток лет тому назад преставилась. Сэр Джордж, супруг ее, за коим она так самозабвенно ринулась в чужеземщину, на свете тоже не зажился. Дошел слух, что он не то помер с тоски, не то взял и пронзил себя шпагой на гробе жены. Эта романтическая, хотя и не вполне достоверная история, помнил Олег, сделавшись известной Чердынцевым, потрясла все семейство, наполнив его жгучей жалостью к бедняжке Елене, а того пуще – к ее единственному сынку.

Отец Олега, граф Чердынцев, горевал по сестре долее всех. Он ведь еще задолго до случившегося положил себе непременно устроить встречу Олега с кузеном, а чтобы сын его не выглядел в глазах младшего лорда Маккола пентюхом, нанял ему английского учителя. Все детство Чердынцева-младшего было омрачено затверживанием различных continuons и попыткой различить простое прошедшее время от прошедшего совершенного. Вдобавок учитель у него был один на двоих с дочерью недавно погибших соседей, Бахметевых, – Мариною; и хоть Олегу до сих пор не удавалось повидать сию девицу (опекуны, по слухам, держали ее в черном теле, единственно не щадя деньги на образование, что было условием завещания), он заочно ненавидел ее. Ведь мистер Керк все уши Олегу прожужжал о том, какие необыкновенные

способности к языкам у miss Bahmeteff... в отличие, понятно, от mister'a Tcherdyntzeff... «I' m sorry, sir!» [З - Мисс Бахметев... мистер Чердынцев... Прошу прощения, сэр!] Склонный к философствованию, Олег вырос в убеждении, что не зря русских считают за границу дикарями: мы заслуживаем этого мнения тем глупым упорством, с каким полагаем основы воспитания в безупречном произношении во французском языке и количестве затверженных английских слов... и это вместо того, чтобы покорить весь мир и заставить немцев, англичан, французов и прочих говорить только по-русски!

За детские свои невзгоды и хотелось Олегу наградить новообретенного родственничка оплеухой преизрядною, однако... однако обошелся бы такой тумак, пожалуй, себе дороже: ведь последние три года, минувшие после смерти родителей, Десмонд Маккол не на печи бока пролеживал, а воевал! Новым лордом сделался по закону его старший брат (не родной, а сводный, от первого отцовского супружества, ибо лорд Джордж был уже вдовцом, когда присватался к прекрасной Елене) – Алистер Маккол, унаследовав в качестве майората семейное достояние в виде замка и прилегающих земель. А Десмонд тогда же отправился в Россию, чтобы войти в матушкино наследство. Ее приданым было нижегородское имение близ Воротынца, в чудных, привольных местах, находившееся все эти годы на попечении беззаветно любящего сестру графа Чердынцева. Однако в Лондоне Десмонд случайно познакомился с участниками «Лиги Красного цветка» – и прочно забыл обо всем на свете, кроме спасения французских аристократов от кровавого революционного террора. Теперь жизнь его протекала между Англией и Францией в беспрестанном риске и опасностях. Конечной же целью усилий было спасение королевы. Но заговор – последняя, отчаянная, беспримерно отважная попытка! – по чистой случайности провалился, и Мария-Антуанетта взошла на эшафот. «Лига Красного цветка» всецело предалась новой идее: похищению дофина и отправке его в Англию. Сие было с блеском исполнено... однако случилось непредвиденное: человек, сопровождавший одиннадцатилетнего Людовика XVII в Лондон, где ему предстояло найти приют при английском королевском дворе, бесследно исчез. Умер ли он от внезапно приключившейся болезни? утонул еще на переправе через Ла-Манш? был убит разбойниками, коих немало в ту пору шлялось по дорогам Англии? – Бог весть... однако он пропал, а вместе с ним – царственный ребенок, и угадать судьбу короля Франции, обессиленного, беспомощного, почти впавшего в безумие после заточения в Тампле, теперь не представлялось возможным. После этого «Лига Красного цветка» распалась: ее участники были обескуражены мрачной обреченностью всех своих усилий. Десмонд убивался даже более прочих: ведь он был среди тех, кто устраивал похищение юного короля из Тампля, и были мгновения, когда жизнь его висела на волоске. И вот

все оказалось впустую!..

Тех, кто похитил царственного узника, искали так, как никого и никогда не искали. Революционная Франция ошетибилась злобою. Каждого подозреваемого хватили и волокли на допрос к Фукье-Тренвилю, откуда было два пути: на гильотину сразу или на гильотину через Тампль (либо Консьержери). Десмонд с радостью подставил бы голову под топор, воодушевленный тем, что спас монархию во Франции. Но погибнуть без всякого прока?.. Его товарищи искали спасения в Швейцарии, Германии, пытались укрыться в Англии. Десмонд направился в Россию, по пути постепенно избавляясь от привычки настороженно вслушиваться и оглядываться, а также от атрибутов санкюлота и приобретая облик нормального, цивилизованного англичанина. Этот облик и вызывал в Олеге Чердынцеве непрестанное желание хохотать... которое со временем прошло.

Он узнал историю Десмонда – конечно, не сразу, – а вместе с этим узнал и самого Десмонда. И многие прежние его предубеждения сначала поколебались, а потом и вовсе рухнули. Олег считал всех англичан гордыми и кичливыми, но среди баснословно богатых Чердынцевых Десмонд выглядел бедным родственником. Знающие этот народ люди говорили, что англичане много пьют, ведь их холодная кровь имеет нужду в разгорячении. И впрямь – девизом Десмонда было: «Drink deep or taste not!» – «Пей много или не пей ни капли!», однако увидеть его под столом Олегу так и не удалось. А что сентябрем кузен смотрит... удивляться нечего – ведь в Англии непрестанные туманы, редко-редко проглянет солнце, а без него худо жить на свете. Вдобавок, если жизнь столько раз подвергалась опасности, если рухнуло все, ради чего ты рисковал... Тем более Десмонд не раз и не два доказал своему русскому брату, что военная доблесть и юношеский разгул зачастую идут рука об руку. По счастью, утомленный жизнью Чайльд-Гарольд еще не добрался до границ Российской империи вместе со своим высокородным лордом-родителем – поскольку не был еще написан, – и высокомерная пресыщенность не стала мировой модой. Десмонд с таким же пылом предавался удовольствиям жизни, с каким участвовал в делах лиги.

Удальство и разгул тогда почитались достоинствами; шумные, а иногда и небезопасные развлечения, выходки очертя голову считались делом не только обыкновенным, но доставляли своего рода славу и давали вес. Скоро все петербургские приятели Олега были в восторге от недурного собой, образованного, повидавшего свет удальца-англичанина. С изумлением Олег

обнаружил также, что кузен его – настоящий сердцеед: остроумный, беззаботный, дерзкий. Перед этим высоченным блондином с насмешливыми голубыми глазами не могла устоять ни одна женщина! При этом за ним не числилось ни одного публичного скандала или дуэли с обиженным мужем.

Говоря короче, спустя месяц, много – два после первой встречи Олегу уже казалось, что кузен его, в общем-то, недурной парень, однако до крайности раздражало, что он оставался неколебимо уверен: быть храбрым – значит быть англичанином; великодушным – тоже, чувствительным – тоже... Ну и прочая, и прочая, и прочая, как пишут в книжках. А ведь сам он был наполовину русским! Конечно, это английское бахвальство с него постепенно слетело бы, останься он жить в России, в столицах или в своем нижегородском имении, однако не судьба была Десмонду задержаться на родине матушки: едва он вошел во вкус петербургской жизни, как был вызван в английское посольство, где узнал ошеломляющую новость: он теперь не просто Десмонд Маккол, а лорд Маккол, ибо старший брат его Алистер месяц тому назад умер.

Не сразу сообщили Десмонду обстоятельства его смерти. Умер – да и умер, вы теперь лорд, сэръ и прочее – ну и отправляйтесь к своему славному титулу! Наконец посол объяснил причину своей молчаливости: Алистер Маккол погиб при самых загадочных обстоятельствах, расследовать которые оказалось невозможным. Коронер [4 - Судья (англ.)] настаивал, что убийство совершил браконьер, схваченный сэром Алистером на месте преступления и затем скрывшийся. Поскольку других версий не было, официальный вердикт провозгласил именно эту. Предполагаемого убийцу искали, но, поскольку никто не знал, кого, собственно говоря, искать, все усилия сами собой сошли на нет. Сэр Алистер не успел жениться и родить детей, а значит, единственным и бесспорным наследником являлся его младший брат Десмонд...

И вот тут Олег понял, что кузен его по сути своей воистину англичанин! Что сделал бы на его месте русский? Понятно, опрометью кинулся бы в родовое имение: вступать в права наследства, искать убийцу брата и мстить. Десмонд же и ухом не повел в ответ на увещевания дядюшки Чердынцева поскорее закрепить за собою наследственные права на лордство! Он не сомневался, что все это уже совершенно лучшими в мире британскими судьями и никто ему дорогу не перейдет, состояние его останется в неприкосновенности. «Англия – это закон!» – только и сказал в ответ Десмонд, а вслед за тем выразил пожелание немедля осмотреть свое нижегородское имение и получить все

бумаги на него: ведь неизвестно, когда он снова прибудет в Россию, так что формальности следовало исполнить незамедлительно.

– Разумеется, ведь Россия – не Англия! Здесь у нас вор на воре сидит и воров погоняет! – усмехнулся старший Чердынцев, усмотревший в сем заявлении Десмонда прямое к себе недоверие, и, швырнув на стол бумаги, подтверждавшие права племянника, удалился.

Отношения в доме сделались натянутые... Граф, впрочем, был человеком слова и дела, опять же – память о любимой сестре все еще владела сердцем. Несколько охладев к бесцеремонному племяннику, он препоручил его Олегу. Вот так и вышло, что в Воротынец Десмонда сопровождал молодой Чердынцев; он же помогал исполнить всяческие формальности, отыскать хорошего управляющего. Дела, однако, затянулись... Сперва Десмонд намеревался воротиться в Петербург по первопутку, чтобы добраться до Англии к Рождеству, затем стал чаять успеть к Рождеству хотя бы в Петербург!

Одним словом, судьба распорядилась так, что ночь перед Рождеством двоюродные братья встретили в пути...

* * *

Самое обидное, что дом был в каких-нибудь трех верстах, когда сани вдруг стали, и внезапная остановка сию прервала не только плавное движение, но и тягучую дремоту, в кою погружены были седоки. Сначала они, конечно, ничего недоброго не заподозрили, а только сонно, тупо таращились в полутьму, рассеиваемую игрою огня за дверцею малой печурочки, наполнявшей возок своим жарким дыханием (путешествовали Чердынцевы всегда с такими удобствами, которые превращали тяготы и нудное течение времени почти в удовольствие).

Олег потер ладонью запотевшее оконце: в возке были настоящие стекла, даже не слюдяные вставочки! Ох и заметь! [5 - Вьюга, метель (старин.).] Вихри неслись над землей, взмывали к взбаламученным небесам, и чудились в них некие непредставимые существа с разметавшимися белыми волосами, невероятно длинными руками, белые лица, огромные хохочущие рты... Он быстро перекрестился.

– Ну и ночка! – пробормотал, зябко поеживаясь. – Истинно праздник для нечисти. Удалая ночка, разбойничья! Сейчас бы на посиделки нагрнуть, не то в баньку.

– O, bagnio! – услышав знакомое слово, оживился Десмонд. – The bagnio, good, yes, да?

Олег хихикнул. Кое-каких русских словечек кузен, оказавшийся весьма смышленным, поднабрался. Он умел вполне сносно объяснить прислуге, что «каша – now, bad, but, блины – yes, very good!». Но почему-то упорно именовал кафтан армяком, доводя лакеев до судорог в усилиях сдержать непочтительный хохот, и недоумевал, почему в его присутствии у них начинают болеть животы, – но все же его «о-де-ва-ся, please!» – было всеми понимаемо. Зато полюбившуюся баню Десмонд упорно называл the bagnio, что по-английски, как известно, значит – веселый дом, и как Олег ни сдерживался, он не смог не засмеяться, тем паче что на ум пришла очень подходящая история.

– А ведь и верно! – воскликнул он. – Веселый дом! Я в прошлое Рождество пошел с нашими дворовыми к девкам на посиделки, в деревню. Ряжеными мы пришли, меня никто не признал, – поспешил он пояснить, увидев, как удивленно взлетели брови Десмонда: как это, мол, так, лорд Чердынцев предается простонародному веселью?! Все-таки правду говорят про англичан, что они жуткие задаваки... как это по-ихнему?.. снобы! – Но весело было. Я в жизни так не веселился. Пели, плясали, бутылочку крутили, целовались все подряд. А потом заметил, что девки по одной, по две куда-то бегают. Думал, по нужде, но нет: возвращаются – и ну шептаться, причем кто веселится еще пуще, кто печалится. Спросил парней, те и говорят: небось девки в баню гадать бегают. А знаешь, как в бане гадают?

– Гада-ют? – поразился Десмонд. – What is? Где моются?

– Вот-вот, – кивнул Олег. – В ночь на Рождество прибежит девка в пустую баньку, станет спиной к печке, юбку задерет и молвит: «Батюшко-банник, открой мне, за кем мне в замужестве быть, за бедным аль за богатым?»

Хоть английский Олега за время общения с кузеном существенно улучшился, он все же засомневался, правильно ли выражается, уж больно выкатились глаза Десмонда. Впрочем, тут же стало ясно, к чему относится это недоумение.

– Юбку задирают? – прокудахтал Десмонд, едва сдерживая смех. – И что потом?

– Потом банник, стало быть, должен девку по заднице погладить. Ежели теплой лапой погладит, будет у нее муж добрый, ежели холодной – злой. Мохнатая лапа – быть девке за богатым, голая – за бедным. Вот такое гадание!

– Ну, ну и что потом?! – понукал Десмонд, чуя по улыбке Олега, что в сей вечерстряслось нечто особенное.

Молодой Чердынцев не заставил себя долго упрашивать:

– Там девка была одна – Аксютка, ну, хороша, будто яблочко наливное. Титьки – во! – Он очертил два фантастических полушария, потом, заметив, что Десмонд в сомнении поджал губы, слегка приблизил окружности к реальности: – Ну, вот такие, не меньше! Задница – тоже будь здоров. Идет – аж вся колышется. Ну я и говорю Костюньке, лакею нашему: мол, я сейчас отлучусь, а ты Аксютку подговори в баньку пойти, тоже на суженого погадать, а то, мол, и не заметишь, как в девках засидишься! Да когда она пойдет, говорю, постереги, чтоб никто туда более не совался. Костюнька – он смышленный: не зря его батюшка в наш петербургский особняк отвез, поставил там помощником управляющего! – мигнул мне: все, дескать, слажено будет! Я вышел тихонько – да к баньке. Зашел, затаился возле печки. Кругом тьма египетская, только луна сквозь малое окошечко едва освещивает. Ночь выдалась тогда лунная, не то что теперь. Стою – стужа лютая, зуб на зуб не попадает, а девки все нет. Ну, думаю, быть тебе битым, Костюнька, не послушалась Аксютка! И вдруг – чу! – снег хрустит под торопливыми шажками. Бежит со всех ног! Вскочила в баньку – я аж дышать перестал, – огляделась, да что в такой тьме увидишь? Повернулась к печке спиной и юбки – р-раз! – на спину себе забросила. Задница у нее – ну, сугроба белее! Как поглядел я на это богатство – у меня едва штаны не прорвались. А она из-под юбок своих бормочет: покажи, мол, банник-батюшко, каков будет мой суженый? Я руку-то нарочно за пазухой держал, она не то что теплая – горячая была. Погладил я Аксютку – она аж взвизгнула, но ничего, наутек не кинулась. Я ее сперва легонько потрогал, потом осмелел: огладил всю, пощекотал так, что она пуще изогнулась. Узрел я... сам понимаешь что. Ну, только что волком не взвыл, такой пожар в чреслах разгорелся! А она девка-дура, на лавку локтями оперлась, чтоб стоять удобнее, ноги расставила да и говорит: «А покажи мне, батюшко-банник, каково-то будет мне с мужем жить, сладко ай нет?»

Я так и обмер!.. Сперва хотел ее пальцем потрогать, но уж терпеть мочи не было. Вмиг штаны спустил да как надал – она и пикнуть не успела, как я в нее

ворвался. – Олег возбужденно перевел дыхание. – Ну, словно в печку сунул, скажу я тебе! Аксютка аж с лавки свалилась, но я своего не упустил! Барахтались, пока я вовсе не опустошился. И сзади ее, и спереди, и всяко разно. А ей хоть бы что: подскакивает да приговаривает: «А ну, еще, банничек-батюшко, а ну, наддай пару и третьего, и четвертого!» Прыткая оказалась – жаль, что не девка уж была. Хоть и печалился я, что распечатанною она мне досталась, а потом понял, что нет худа без добра: кой-чему ее успели научить прежние ухажеры, да лихо научить! Ну, когда я встал – ноги, вот те крест, были как у юродивого, тряскою тряслись и подгибались, – то сказал Аксютке (она так и валялась на полу, вишь, не только она меня, но и я ее крепенько ухаживал!): «Быть тебе, – сказал, – за богатым, Аксютка!» Слово я свое исполнил: сперва в дом взял, а когда намоловались вволю и молодка зачреватела, выдал ее за Костюньку. Теперь оба в Петербурге, в доме нашем, надзирают за хозяйством, сынок у них растет...

– Твой сын? – удивился Десмонд. – А отчим его не обижают?

– Попробовал бы! – воздел крепкий кулак Олег. – Нет, любит, как своего. Мальчишке и невдомек, что он барский байстрюк. Зачем ему лишние мечтания? Костюнька знает, что я ни его, ни мальчонку не обижу, да и Аксютку... – он хмыкнул, – не обижаю никогда. Бывало, надоест в Петербурге по непотребным девкам заморским тощим таскаться, вернешься домой, скажешь: «А ну, Аксютка, взбей перинку!» – она тут же, где попало, хоть на полу, хоть на лестнице, хоть в спальне моей, бряк на спину – и ноги врозь.

– А муж?! – округлил глаза Десмонд.

– Да ну, ему-то что? Убудет от бабы, что ль? – отмахнулся Олег. – Тут гвардейский полк надобен, чтоб от нее убыло! И мне хватает, и Костюньке... подозреваю, близ этого пирога еще не один из лакеев кормится.

– Амфитрион, – пробормотал Десмонд, и Олег так и закатился.

– Амфитрион, ну истинный наш Костюнька Амфитрион! [6 - Персонаж античной мифологии, супруга которого, Алкмена, родила Геракла от Зевса. Амфитрион стал ему любящим отцом. Позднее, особенно после одноименной комедии Ж. Б. Мольера, это имя стало синонимом чрезмерно снисходительного супруга, извлекающего выгоды из своих рогов.]

Они хохотали от души, но обоими владели разные мысли. Олег думал, что сейчас ему бы сошла любая, всякая, от тощей заморской до сдобной отечественной. Ох, поскорее бы добраться до дому – там уж он живо сыщет себе сговорчивую молодку и о Десмонде позаботится. Похоже, ему тоже невтерпеж сделалось – вон как ерзает. Это ведь сколько – не меньше пяти суток минуло, как они простились с веселыми воротынскими красавицами? Воистину, блюли свято рождественский пост, хоть и не по своей воле. Сказано: пресыщение подавляет дух, но ведь чрезмерный пост расслабляет тело!

– Да чего ж это кони все стоят да стоят? – нетвердым голосом вымолвил Десмонд. – Не случилось ли чего? Надо бы поглядеть. – И он, держась на ногах как-то неуверенно, неестественно («Кажется, стоят не только кони!» – глумливо подумал Олег), придвинулся к полсти, закрывавшей вход.

– Эй, там метель! Шубу накинь! – прикрикнул многоопытный русский.

Англичанин вяло отмахнулся:

– Мне и так жарко! – Однако все же послушался, сгреб в охапку тяжелую медвежью шубу и вывалился наружу, в белое снежное круженье.

Следом выбрался Олег – и ветер, а также новости, сообщенные сплошь белым, с наметенными на шапке и плечах сугробами, кучером, вмиг выбили из его мыслей и тела всякую похоть.

Возок стоял на обрывистом берегу Басурманки – так звалась неширокая, но гулливая речушка с таким быстрым течением, что его не могли остановить даже морозы. А морозов-то настоящих в этом году еще не было. Оттепель сменялась заморозками да вьюгами: зима выдалась сырая, снежная, но не лютая. Басурманка бежала, курилась в высоких берегах, и покосившийся мосток весь закуржавел [7 - Заиндевел (старин.)], оброс снежною бородою, оледенел до того, что сделался горбом – скользким, непроезжим, опасным горбом, повести на который тройку с осадистым возком мог только сумасшедший.

Слава богу, кучера им подбирал сам граф Чердынцев и выбрал Клима, степенного осторожного мужика. Тот приложил все усилия, чтобы уговорить барина не кидаться на мост очертя голову. Клим показал молодому графу коварные надолбы, предательски расшатанные сырой снежной тяжестью доски,

оборвавшиеся перила. Для наглядности сгреб увесистый ком снега и бросил его вниз, где под белым паром можно было различить черное стремительное течение: вот так, мол, все мы ухнемся с моста, ежели по нему поедем! Молодой барин поартачился было (ну что ж, дело господское!), доказывая, что запросто можно двух пристяжных выпрячь и перевести на другой берег, а мост одолеть на одном кореннике. Однако, взойдя на этот горб вновь, уразумел всю глупость своего предложения – и, удрученный, воротился к возку.

– Ну? – спросил уныло. – В объезд, что ли?

– В объезд, – со вздохом согласился Клим; объезд означал еще часов пять пути, дай бог, ежели к утру доберутся до Чердынцева! Теперь уж, наверное, полночь...

Барин полез в возок; Клим, кляня про себя судьбу, взгромоздился на облучок, собрал вожжи, присвистнул на приунывших, измученных «залетных»... Вдруг барин окликнул:

– погоди, Клим. А где же мой кузен?

Клим досадливо сдвинул шапку на затылок. Мало того, что у этого иноземца целых четыре имени: Кузен, Милорд, Мистер и Десмонд, так он еще и запропастился куда-то.

– отошел небось по нужде, – буркнул Клим, безнадежным взором пытаюсь проникать окрестности.

Куда там! Белая мгла вокруг – и ничего больше: ни земли, ни неба, ни чужеземца с четырьмя именами.

Пропал он! Как есть пропал!

Английский рыцарь Ланселот

Какое-то время Десмонд постоял на берегу, слушая возбужденные переговоры Олега с кучером и поражаясь тугодумству этих русских. О чем вообще

размышлять, о чем спорить? Если нельзя перейти по одному мосту, следует незамедлительно искать другой! Неужели для того, чтобы понять это, нужно разыграть целый спектакль, – и все это на сыром ветру, который так и хлещет снеговыми вихрями, хлестко выжигает глаза, забивает рот и покрывает лицо ноздреватой мокрой массой!

Десмонд стал спиной к ветру, поднял воротник и упрятал в него нос. Приходилось то и дело переступать, не то вокруг валенок мгновенно наметало настоящие сугробы. Еще хорошо, что не привелось испытать настоящего русского мороза. Прежде Десмонд жалел, что не отведал этой местной есotik, а сегодня – вот уж нет! Иначе он уже превратился бы в ледяную статую, пока его кузен с Климом доказывают друг другу очевидные вещи. Впрочем, может быть, они просто не знают, где этот самый объезд? Ну так нужно пойти спросить какого-нибудь... как это по-русски? – доброго человека. Вон чернеются сквозь белую мглу очертания небольшого домишки, наверняка те, кто живет там, лучше, чем его спутники, знают окрестности.

Десмонд оглянулся, чтобы указать Олегу на этот неведомый дом, да так и ахнул: ни кузена, ни кучера, ни возка с тройкою рядом уже не было!словно снеговые черти их унесли, прихватив заодно и речку с оледенелым непроезжим мостиком...

Ему приходилось слышать, что русских вечно кто-нибудь «морочит». Например, на спящего в душной избе или на горячей печке обязательно наваливается некое существо, похожее то ли на кошку, то ли на сивенького старичка, и душит или «давит». Или бегут парни и девушки на речку купаться. Нет, чтобы поплескаться у бережка или устроить заплыв по вольной, спокойной воде, – лупят своими саженками на самую стремнину, в водовороты! Или кидаются с берега, даже не промерив предварительно дно, усеянное к тому же жуткими корягами. А потом выскакивают на берег и кричат, что одного непутевого купальщика уволок зеленобородый, скользкий, опутанный тиной и водорослями мужик по прозвищу водяной.

Или вот еще: напариваются в своих безумно жарких банях, где впору пытаться злоупорствующих преступников, до одури, до умопомрачения, разводят пар такой, что вся кровь ударяет в голову... А потом, когда находят в баньке угоревшего до смерти бедолагу, уверяют, что голый, противный, тощий старикашка, весь облепленный банными листьями, банником прозываемый,

уморил его, за что-то прогневавшись: или тот не оставил ему в прошлый раз воды на дне шайки, или не принес корочки ржаной, густо посыпанной солью. А чаще всего – при строительстве сей баньки не зарыл под порожек черного петуха со свернутой шеей!

Перебрав в памяти эти и подобные им случаи, Десмонд уже был готов поверить, что в такую колдовскую ночь его морочит какой-нибудь русский леший, но... Военный, солдатский опыт не дал разыграться воображению. Известно, что правая нога ступает шире, чем левая, и когда человек идет по тропе или по дороге, то невольно выравнивается по ней. А вот нетореный путь – кто-кто, а Десмонд это прекрасно знал – не дает подсказки. Путнику кажется, будто он идет прямо, – на самом же деле он неприметно поворачивает влево. И никакие снеговые черти здесь ни при чем! Просто, топчась на месте, он незаметно для себя отступал от берега – вот и отошел достаточно далеко и потерял из виду возок, коней и людей. Однако времени прошло всего ничего, они где-то рядом. И если крикнуть погромче, Олег тотчас отзовется. Но что проку кричать? Лучше Десмонд сначала найдет объезд и другой мост, а потом вернется и утрет нос этим бестолковым северянам!

Десмонд усмехнулся. Это было неосмотрительно: коварный снеговой клуб тут же влетел в его рот. Он выплюнул стылую кашу, закрылся воротником до самых глаз и, сколько мог торопливо, зашагал к черному строению, вспоминая про себя подходящие к случаю русские слова: «Мост – лед, не ка-рош. Хочу ест другой мост? Говорить, please: барин дать грош – для russian vodka!»

Нет, что-то здесь не так. Слово «грош», конечно! Это все равно что полпенни, а то и меньше. Кто будет стараться за такую ничтожную плату? Десмонд изо всех сил пытался вспомнить, как называется главная русская монета, но в голову лезло что-то совсем несуразное. Ладно. Он скажет: «Барин дать many silver грош's для many russian vodka!» Русские мужики смышлены, тут же сообразят!

Приободрившись, Десмонд огромным прыжком преодолел сугроб, залегший ему путь, – и замер: домишко, очертания которого отчетливо выступали из белой тьмы, оказался не избой, а каким-то сараем без окон, без дверей!

Damn! [8 - Черт! (англ.)] Десмонд даже плюнул с досады. Нет, это все-таки леший, его козни! Впрочем, разочарование его тут же улетучилось: он увидел дверь, вдобавок приотворенную, откуда слабо тянуло теплом: снег на заметенном крылечке чуть подтаял. Ага, значит, здесь все-таки кто-то есть!

Молодой человек взбежал на крыльцо, шагнул через порог – и вновь досада им овладела: когда глаза чуть привыкли к темноте, он обнаружил, что попал в баню.

Собственно, это был просторный предбанник с лавками вдоль стен, а сама баня скрывалась за тяжелой, обитой войлоком дверью. Десмонд встрепенулся: дверь оказалась чуточку приотворенной, и в щелке ему почудился промельк света.

Он уже совсем было собрался окликнуть того, кто был за дверью, но вовремя раздумал. Ну кто, скажите на милость, пойдет мыться в бане в рождественскую полночь? Даже зная о странной, прямо-таки исступленной любви русских к парилкам, Десмонд не мог вообразить себе такого безумца. Почему же здесь свет?.. Внезапно фривольный рассказ Олега пришел ему на ум, и англичанин припик к щелке, почти уверенный, что увидит пышный зад какой-нибудь красотицы, стоящей у печи в пикантной позе и в ожидании, когда «батюшко-банничек» обнаружит себя. Однако ничего, кроме двух тоненьких свечек, трепещущих одна против другой, ему увидеть поначалу не удалось... А потом он понял, что ошибся, что горящих свечей всего одна, вторая же – ее отражение в зеркале. И почти тотчас же рядом со свечой он увидел какое-то бледное пятно. Но прошло еще несколько секунд, прежде чем он сообразил, что видит лицо девушки, сидящей к нему спиной и глядящей в зеркало.

Волосы на его голове стали дыбом – чудилось, даже шапка съехала набок. Увидеть девицу, которая среди ночи пришла в баню полюбоваться на свою красоту, – это еще похлеще, чем встретить любителя париться во время наступления Рождества! Но тотчас Десмонд легонько стукнул себя по лбу: да нет, нет же! Ничего тут нет необыкновенного! Эта девица тоже пришла погадать в баньку: вон, слышно, что-то шепчет, исступленно глядя в зеркало, спрашивает о чем-то, зовет...

Как ни вслушивался Десмонд, слов про «банничка-батюшку» он не разобрал и досадливо качнул головой: естество его все еще было растревожено живописными рассказами Олега. И вдруг вспомнилось, как незамужняя тетушка его Урсула, получившая в семье прозвище «Старшая ведьма» из-за своего чрезмерного пристрастия к оккультным наукам, выпрашивала мать про русские магические обряды. Та с охотой поведала о старинных девичьих выведываниях

будущего жениха. Десмонд, хоть и был тогда еще мал, запомнил тот разговор потому, что все это походило на сказку: матушка таинственным шепотом рассказывала, как положила в рождественскую ночь перстенок под подушку, а во сне явился ей высокий господин в синем камзоле с серебристой отделкой, который и надел перстенок ей на палец. Самое удивительное, что встреча Елены с ее будущим мужем именно так и содеялась: она на каком-то гулянье обронила перстенок и долго его искала, а незнакомец в синем с серебром камзоле его нашел и вернул огорченной владелице. С первого взгляда Елена и сэр Джордж влюбились друг в друга, так что сон оказался вещим. Десмонд помнил также, что матушка рассказывала и про другие гадания, в числе коих упоминалось и зеркальное; правда, леди Елена признавалась, что у нее никогда не хватало храбрости встретить рождественскую полночь перед тем зеркалом.

– А вот я бы не побоялась, если бы могла хоть что-то узнать о Брайане! – грустно шепнула тетушка, и лицо ее увяло, померкло, и даже седые волосы, чудилось, обвисли. Все в семье знали, что тетушка Урсула на все готова, лишь бы получить известие о своем женихе, исчезнувшем бесследно в день свадьбы, уже после венчания.

История была преудивительная: веселые гости, наскучив сидеть за столами, затеяли играть в прятки в огромном доме. Нашли всех, кроме юного сэра Брайана. Невеста долго не могла поверить в исчезновение жениха, но, когда кто-то из гостей обнаружил в подвале замка пуговицу с камзола сэра Брайана, вскрикнула и грохнулась оземь. Очнулась Урсула безумной... Она сделалась угрюма, нелюдима, все ходила и ходила по замку, заглядывая во все закоулки, словно надеясь отыскать исчезнувшего... И шептались, и даже вслух говорили, что сэр Брайан попросту сбежал от невесты, а вся любовь, которую он к ней высказывал, была притворною, – однако Урсула никому не верила и продолжала надеяться на встречу с Брайаном. Можно было не сомневаться, что она в ближайшее же Рождество принялась высматривать его в зеркале, – как сейчас высматривает своего жениха эта неведомая Десмонду красавица, чей настойчивый шепот он ощущал не только слухом, но и всем телом, как зовущее прикосновение.

У него невольно смутился дух, и, не совладав с чувствами, которые вдруг вспыхнули и овладели им всецело, Десмонд осторожно толкнул дверь и бесшумно шагнул вперед.

* * *

...Когда некоторое время спустя он вновь стоял на этом пороге, ноги у него подгибались и слегка кружилась голова. Холод проникал под беспорядочно распахнутую одежду, но он не чувствовал холода. Все существо его трепетало и точно бы улыбалось блаженно. Среди сонма восхищенных мыслей, обращенных к той, что все еще лежала недвижима на лавке, была одна, почти испугавшая Десмонда. Он подумал, что хорошо бы никогда не расставаться с этой нежной красавицей, впервые познавшей любовь в его объятиях. Как это ни странно, ему еще ни разу не доводилось обладать невинной девушкой. И когда его бывшая пассия Агнесс, например, заводила свою надоевшую песню о том, что милорд похитил ее девство, разрушил жизнь, а потому должен подарить ей еще ленту, еще туфли, еще чулочки или прочую чепуху, молодой человек не слишком ей верил. Откуда ему было знать, как все произошло, если он проснулся в постели Агнесс после чудовищной попойки, когда голова просто начетверо раскалывалась с похмелья? Да и так ли уж важно – лжет Агнесс или говорит чистую правду? Так думал он прежде, не понимая и не принимая этой мужской охоты за невинностью, этой гордости причиненной болью, нанесенными разрушениями и пролитой кровью. И вот эта случайная, невероятная встреча... оказывается, в каждом мужчине уживаются разрушитель и творец. Десмонд еще не знал, что, уничтожая невинную, испуганную деву, он при этом создает новое существо – дерзкое, обольстительное, неотразимое; может быть, творит его себе на грядущую погибель.

Тем не менее предчувствие того, что в его жизнь вошло что-то новое, неведомое и тревожащее душу, овладело Десмондом. И он медлил, медлил на пороге, не в силах отвести взгляда от той, что лежала там, в ворохе смятых одежд, на широкой банной лавке, ставшей ложем наслаждения.

Внезапно сквозь частый стук крови до него донеслись тяжелые шаги совсем рядом. Кто-то вошел в предбанник!

Олег?.. Ринулся на поиски кузена? Десмонду сделалось нестерпимо стыдно при мысли о том, что Олег увидит его стоящим над этой бесчувственной девушкой с кровью на белых обнаженных бедрах. Он только и успел, что резким движением набросить на нее свою тяжелую шубу, прикрывая от нескромного взора, а сам отпрянул за дверь, в густую, непроглядную тень, – и вовремя: чья-то рука уже взялась за щеколду.

Дверь открывалась внутрь, и пришедший толкнул ее так сильно, что Десмонда едва не пришибло. Он отпрянул, вжался в стену, отчаянно молясь, чтобы Олег ушел так же, как и пришел, убедившись, что кузена здесь нет, и посовестясь беспокоить спящую. Надежда, впрочем, погасла, едва вспыхнув, когда вошедший ступил вперед и затворил за собой дверь.

Он загородил светящийся огарочек, и все, что мог различить Десмонд, это темную остолбеневшую глыбу, но постепенно глаза его привыкали к темноте, и он различал очертания кряжистой, широкоплечей, длиннорукой мужской фигуры в тулупе и меховом треухе. Сердце стукнуло тревожно: это не Олег, сомнений нет. И не кучер Клим. Это совсем незнакомый селянин!

Его догадку подтвердил тяжелый голос – никогда не слышал Десмонд такого грубого, скрежещущего голоса!

– Мать честная! – пробормотал пришедший, а потом, чуть громче: – Эка притча!

Десмонд непонимающе вскинул брови: только полный, безнадежный кретин мог принять эту молодую красавицу за свою мать! Впрочем, очевидно, пришедший ошибся в темноте. Вот он шагнул к лавке, наклонился, потянул за тяжелый воротник, скрывший лицо девушки до самых глаз... и Десмонд ощутил всем существом своим, как вздрогнул этот неожиданный гость, потому что шуба скользнула на пол, открыв нескромному взору полунагое бесчувственное тело.

Ноги у Десмонда подкосились. Ох, что же сделал, что сделал он с этой девушкой, так нежно и доверчиво улыбавшейся ему?! На какой позор обрек ее! Да разве можно надеяться, что этот человек сохранит тайну... не растрезвонит всей округе о том, что увидел вьюжной рождественской ночью?

И вдруг сердце его с болью сжалось. А что, если он по случайности занял место этого мужчины? Что, если девушка ожидала в баньке не кого попало, а именно этого здоровяка, коему было предназначено сделаться ее первым обладателем? Выходит, Десмонд похитил то, что по праву должно было достаться другому?..

Ревность ослепила его, ноги подкосились. Она ждала другого, а ежели тот не пришел, сгодился первый попавшийся! Десмонд даже ахнул от злого стыда – и ладонью испуганно зажал рот: не услышал ли незнакомец?

Однако тот, чудилось, вообще ничего не видел и не слышал сейчас. Но вот он надсадно втянул в себя воздух, громко причмокнул, а в следующий миг глыба его тела как-то нелепо зашевелилась, и Десмонд не сразу понял, что пришедший сбрасывает с себя тулуп. Мелькнула было глупая надежда, что он тоже решил прикрыть лежащую, чтоб не замерзла, но тут же мужик, торопливо шаривший по своему телу, чуть шатнулся в сторону, на миг став боком к свече, и Десмонд увидел на бревенчатой стене уродливо изогнутые очертания его тела с каким-то огромным, устрашающе огромным предметом, торчащим внизу живота.

Зрелище было столь чудовищное, что Десмонд не поверил глазам. От несообразности свершавшегося он просто-таки обмер – и некоторое время тупо глядел, как мужик враскоряку взгромождается верхом на лавку, накрывая своей громадой бесчувственное тело. Но вдруг раздался пронзительный крик, и столбняк, овладевший Десмондом, исчез. Нет, не призыв, не радость заждавшейся любовницы слышались в этом крике – исступленный, отчаянный ужас!

Нелепые догадки, выдуманная ревность развеялись, как дымок под порывом ветра. Не глядя, он схватил что-то, оказавшееся под рукой, и с размаху послал этот предмет вперед...

В это мгновение очнувшаяся девушка с такою силой ударила коленом навалившегося на нее насильника, что тот отпрянул – и голова его с грохотом врезалась в летящее оружие Десмонда, коим оказалась деревянная шайка.

Что-то разлетелось на куски. Через мгновение Десмонд понял: это, к сожалению, не голова разбойника, а шайка.

Мужик окаменело сидел верхом на лавке, покачивая, словно бы с легкой укоризною, головою в треухе (охваченный похотью, он даже не снял шапки!). Десмонд судорожно зашарил вокруг, мечтая отыскать снаряд поувесистее, но тут мужик покачнулся, а потом медленно, будто нехотя, сполз с лавки и простерся на полу. Девушка, приподнявшись и прижав колени к подбородку, мгновение глядела на него расширившимися от ужаса глазами, а потом вдруг обессиленно рухнула навзничь, и Десмонд понял, что она вновь лишилась чувств.

Десмонд осторожно шагнул вперед, отлепил от стола огарочек и склонился над недвижимым насильником. И отпрянул: вытаращенные застывшие глаза глянули на него, рот ощерился в застывшей ухмылке. У Десмонда невольно смутился дух от тяжелого предчувствия. Схватил лежащего за грудки, тряхнул... у него запрокинулась голова, наконец-то свалилась шапка... и Десмонд сообразил, что внезапный соперник его мертв.

* * *

Он не помнил, как очутился на дворе, однако прошло, верно, какое-то время, прежде чем студеные объятия метели вернули ему утраченное соображение. Схватился за голову. Ох, бурная выдалась нынче рождественская ночь! Обещанная девушка, убитый... Десмонд скомкал в пригоршне снег, прижал к левому виску, в котором резко пульсировала боль. Сразу стало легче, в голове прояснилось. Он уже осмысленным взором попытался пронизать круговерть мыслей, зная одно: что бы ни оставил он за своей спиной, надо поскорее отыскать Олега, возок, быстрых коней, которые унесут его прочь отсюда. Десмонду случалось проливать чужую кровь; но одно дело – встать с врагом лицом к лицу, и совсем другое – прикончить кого-то из-за угла.

Правда, он защищал девушку... честь прекрасной дамы, если так можно выразиться. Странствующий рыцарь, защитник угнетенных!.. Сэр Ланселот! Пустое дело: гордиться сэру Ланселоту совершенно нечем. Нет, скорее прочь, прочь отсюда! Но куда идти? И он ахнул, увидев огненный промельк впереди, за белой завесой метели. Нелепая мысль, что это все демоны преисподней несутся в адских вихрях за его грешною душою, пришла, конечно, но тут же была унесена порывом ветра. Да никакие это не адские вихри мятутся – это искры летят, гонимые порывом ветра! Искры из печной трубы!

Одно из двух: или где-то рядом изба, или... сердце Десмонда радостно забилося – или Олег догадался растопить сильный огонь в печи, обогревающей возок, такой сильный, чтобы искры летели из трубы. Опьяненный радостью, вмиг забывший обо всем на свете, Десмонд ринулся на этот маяк. Он не пробежал и двадцати шагов, как с двух сторон вцепились в него чьи-то руки, и два голоса, один, отрочески звонкий и счастливый, – Олега, другой, надтреснутый от страха, – кучера, завопили хором:

– Нашелся! Живой! Слава те, господи!

Вот уж воистину...

Что посеешь, то и пожнешь

– Я говорю вам, сэр, что человек, подобный вам, никогда не ступит на палубу моего корабля!

– А я говорю вам, сэр, что я уплатил за сие путешествие преизрядные деньги, и вы не вправе лишить меня моей каюты!

– Деньги! Пфуй! Ваши деньги!.. Вы, мистер рабовладелец, можете в одну минуту получить их назад, дайте только мне время сходить за ними в каюту! – И капитан сделал движение повернуться и отправиться прочь – очевидно, туда, где на береговом рейде виднелось небольшое судно.

– Послушайте, сэр! – воззвал Десмонд в отчаянии. – Вы не можете так поступить со мной! Ну что я такого совершил?! Я был в стране, где законы совсем иные, чем у нас, – и я принужден был жить по ее законам. Вы были когда-нибудь в России?

Капитан всем своим молодым, гладко выбритым лицом показал, что сама мысль о такой возможности приводит его в содрогание.

– Тогда как же вы можете судить? Это дикая азиатская страна, совершенный Восток, где обычаи – истинные деспоты. Например, русское гостеприимство! Ежели хозяин угостит тебя вином и ты не пьешь до дна, тебя могут вызвать на дуэль, ибо хозяин сочтет себя оскорбленным. Ежели за обедом оставляешь какое-нибудь блюдо нетронутым, хозяин вызывает повара – и на твоих глазах рубит ему голову: по его мнению, гость оскорблен дурным качеством пищи!

В светлых глазах капитана появилось мечтательное выражение. Он оглянулся на корабль и пробормотал:

– Сей обычай я полагаю вполне разумным и совсем не прочь ввести его в обиход!

Десмонд деликатно сдержал улыбку и поспешил закрепить завоеванные позиции, на шаг придвинувшись к берегу. Однако маневры его были тотчас пресечены капитаном, который вскричал:

– Шутки шутками, но все это – жестокое варварство, порожденное рабством. Знаете ли вы, сэр, что о прошлый год мне предлагали баснословные деньги за провоз живого товара? Я совершал рейс к берегам Испании, и там некий господин, которого я устыжусь назвать англичанином, один из этой дикой американской нации, предложил мне сказочные условия, ежели я соглашусь загрузить свои трюмы африканскими рабами. Надо ли говорить, как я поступил?..

Десмонд поджал губы, потому что его так и подмывало ответить, что он не вполне дурак. Перед ним было достаточно побитое штормами судно для каботажного плавания [9 - Близ берегов.], и даже переход из Кале в Дувр был для него тяжеловат. Ну можно ли представить сей корабль посреди океана, по пути из Африки в Новую Англию? Да никогда в жизни!

Разумеется, он смолчал и даже нашел в себе силы сокрушенно покачать головой. Капитан мог воспринять это как выражение сочувствия, но Десмонд был сокрушен искренне. Дело его, кажется, безнадежно зашло в тупик. Неужто придется возвращаться в трактир, снова снимать комнаты для ночлега, снова терпеть эту двусмысленность, вдобавок каждую минуту ожидая окрика за спиной:

– Месье Рене (или Этьен, Оливье, Дени)? Неужели это вы? Mon Dieu, какая неожиданная удача!

Под этими именами Десмонд жил во Франции. И он отнюдь не обольщался расхожим мнением о том, что французы легкомысленны и созданы лишь для романов и романсов. Можно было не сомневаться: повстречай он кого-то из тех, кому встал поперек дороги, спасая сторонников несчастного Людовика XVII, у французов хватит ума схватить его и отправить в Париж, где гильотина по нему плачет уже более года. Нет, надо немедленно убираться из Кале! Здесь его жизнь в непрестанной опасности.

Сказать, что ли, об этом капитану? Нет, этому противнику деспотии принципы дороже всего на свете! Стоп... а нельзя ли сыграть на этих принципах?

Капитан тем временем, наскучив их беседою, сделал движение к шлюпке, куда уже погрузились остальные пассажиры и теперь выражали явное нетерпение.

– Вы бесчеловечны, сударь! – сказал Десмонд уныло и тихо, позаботясь, впрочем, чтобы капитан мог его услышать. – Вы бесчеловечны не только по отношению ко мне, но прежде всего к этой несчастной, положением которой вы так возмущены. А ведь я показывал вам ее бумаги, показывал дарственную. Дарственную! Это подарок мне от одного моего русского друга, понятно вам? Русские говорят: «Дареному коню в зубы не смотрят!» Вообразите, что сделал бы этот баснословно богатый дикарь, вздумай я сказать, мол, не надобно мне его даров, поскольку в Англии рабство презираемо и ненавидимо всеми порядочными людьми? Он и не понял бы ничего, кроме того, что девушка мне не нравится. Ладно, мне плевать, что после этого он стал бы моим вековечным врагом. В конце концов, я не собираюсь возвращаться в Россию. Но участь девушки... – Десмонд изо всех сил ужаснулся, мысленно извиняясь перед кузенном Чердынцевым, который в некоторой степени являлся прообразом описываемого им варвара... во всяком случае, именно Олег писал дарственную на внезапно обретенную Десмондову собственность. – Самое милосердное, что мог сделать русский, это немедленно отрубить ей голову. Но скорее всего ее затравили бы собаками прямо в моем присутствии. Поверьте, сударь, – добавил Десмонд сухо, – я не меньше вас ненавижу рабство, но не вижу иного способа вырвать из его лап эту несчастную жертву.

Капитан был еще молод и не умел вполне владеть своим лицом, на котором после слов Десмонда проступила целая гамма чувств: ужас, жалость, растерянность. Впрочем, не все в этих словах было ложью – Десмонд действительно собирался спасти рабыню...

Очевидно, последний довод Десмонда подействовал на капитана. Лицо его просветлело.

– Бог вам судья, сэр, – проговорил простодушный «морской волк» в свойственной ему возвышенной тональности. – Если речь идет о спасении жизни этой несчастной дикарки... то прошу поскорее в шлюпку, – закончил он торопливо, ибо дружный вопль возмущенных долгим ожиданием пассажиров: «Капитан Вильямс!!!» – вернул его мысли с горних высей человеколюбия к повседневным хлопотам.

Он зашагал к морю, увязая в песке. Десмонд неуклюже последовал за ним, даже не оглянувшись посмотреть, следует ли за ним его злополучное имущество. Разумеется, следует! Куда ж ей еще деваться? Впрочем, и ему от нее теперь уже никак не избавиться...

* * *

Там, на берегу незамерзающей быстротекущей Басурманки, увидев до смерти перепуганного Олега и почти плачущего от отчаяния Клима, Десмонд испытал прилив такого облегчения, что ему показалось, будто и не было ничего с ним в той баньке, а все свершившееся – лишь морок метельный, шутки нечистой силы, которая накануне Рождества буйствует неудержимо. Однако зоркий глаз Олега сразу заметил что-то неладное, а потому после первых объятий, перемежавшихся с крепкими проклятиями, он с тревогой спросил:

– Что с тобой? Где был ты и что делал? Вид у тебя такой, словно нечистое содеял! Успокойся и не дрожи. Э, да ты замерз! А где тулуп?

Десмонд скрипнул зубами. Тулуп остался валяться в баньке, а рядом с ним... Конечно, можно было отовратиться; наверное, так и следовало бы поступить, однако воспоминание о крике, полном ужаса, о черных от страха глазах помешало Десмонду солгать. Торопливо, задыхаясь, он выложил все, что с ним случилось нынче ночью, – и ощутил некое облегчение, словно часть своей ноши переложил на другого.

Против ожидания, Олег не ужаснулся, а только удивился безмерно. Такое же изумление, как в зеркале, отразилось на лице Клима, исподтишка поглядывающего на господ.

– Суров твой нрав и на расправу прыток! – пробормотал Олег, недоверчиво разглядывая своего родственника. – И что же теперь делать будем?

– Я обронил там тулуп, – пробормотал Десмонд. – Ежели полиция примется искать...

– И-эх, милый! – похлопал его по плечу Олег. – Ты что, забыл, где находишься? Ну какая тут, в России, полиция?! К тому же убитый явно крепостной человек,

хозяин над ним в полном праве.

– А если проговорится где-то твой кучер, мол, я заблудился где-то в этих местах в то время, когда приключилось убийство? И кто-нибудь свяжет концы с концами?

– Это, брат, тебе не Англия, – ласково, будто несмышленому ребенку, сказал Олег. – У нас, в России, закон – царская да господская воля. Наша воля! Даже если Клим где-то спьяну проговорится, что видел, как ты пристукнул нечестивца, то против его слова будет мое – слово дворянина! – а оно вдесятеро стоит. Я такой: если увижу своими глазами, что мой брат дворянин прикончил смерда, и тут пойду под присягу, что ничего об том не ведаю!

В словах Олега был столько жару, что Десмонд понял: бояться ему нечего, кузен его в обиду не даст. Можно было уезжать. Олег, ободряюще похлопав его по плечу, двинулся к возку.

Десмонд поплелся за ним, то и дело оглядываясь. Вдруг представилось, как она очнется... что увидит? Кошмар! Наверное, решит, что любовник ей привиделся, а тот, кто валяется рядом, – взял ее силою. А в отместку она его...

От этой мысли ноги у Десмонда вконец заплелись!

– Ну, что стал? – оглянулся Олег. Всмотрелся пронизательными глазами, усмехнулся: – Что, девку жалко? Понимаю... Ну, грехом с нею спознался, грехом и расстался. А без греха такому делу не быть!

– Она ведь подумает, что сама того негодяя прикончила, – убитым голосом сказал Десмонд.

– Ничего, он получил за дело, – бодрясь отозвался Олег. – Надо надеяться, очнется девка скоро, и у нее хватит ума убежать да язык за зубами держать, что бы она там ни подумала. Небось спишут на какого-нибудь лихого человека. Мало ли их по лесам здешним бродит! Скажи, Клим, – обернулся он к кучеру, – мы на чьих землях сейчас?

Клим напряженно растянул губы в улыбке, и Олег расхохотался, сообразив, что, забывшись, продолжал говорить по-английски. Повторил вопрос – и Десмонд увидел, как вдруг помрачнело лицо его неунывающего кузена.

– Что такое? Ну, что он тебе сказал? – встревожился Десмонд, но Олег отмахнулся:

– Да так, пустое! – и полез в возок.

Десмонд оглянулся. Клим взбирался на облучок, имея самый сокрушенный вид. Что-то здесь было не так...

– Ну, давай скорее, что ли! – раздраженно окликнул Олег, высовываясь из-за полсти. – Ты уж как снеговик.

– Что тебе кучер сказал? – резко спросил Десмонд и, увидев, как вильнули в сторону глаза кузена, пригрозил: – Клянусь, не скажешь – я и с места не сойду! Никуда не поеду, пока не узнаю, в чем дело!

– Никакого дела и нет, – пожал плечами Олег, выбираясь из возка. – Просто Клим сказал, что это бахметевские земли, а я Бахметевых на дух не переношу. Понял? Ну, теперь поехали уж!

– За что ты их не переносишь? – не унялся, однако, Десмонд и даже за рукав кузена придержал.

– Ну, сам граф Бахметев, покойный, был человек отменных качеств, о нем никто никогда слова недоброго не сказал. Но сейчас здесь всем заправляет его младший брат, а он был в семье паршивой овцой. Имение-то наследовала дочь Бахметева, но во владение через какое-то время вступит, я точно не знаю. Так знаешь, что говорят по соседству? Мол, не доживет Марина Дмитриевна до сего возраста, непременно ее дядюшка изведет, чтобы самому заграбастать наследство. Всем известно, в каком черном теле он племянницу держит. Девка на выданье, однако же последние три года ее на балах или где-то в гостях не видели. Сам барин тоже у себя никого не принимает. Скуп, как... как... ну, нету такого второго скупца! – махнул рукой Олег. – Зато слухи идут по губернии о его бесчинствах над крепостными. С мужской прислужкой зверски жесток, женщин и девушек запирает в свой гарем. Женат он на самом уродливом и неприятном

создании в мире, вот и разгулялся, а поскольку и сам жуткий урод, девки ему противятся. Он да любимчик его, палач домашний, Герасим, берут их тогда насилкою. Право же, – воскликнул Олег с негодованием, – некоторые дворяне поступают со своими слугами хуже, чем со скотами. К стыду признаться, немалое число таких есть, и младший Бахметев – из их числа.

– Герасим? – задумчиво повторил Десмонд. – А не знает ли Клим, каков собою этот любимец барский? Кряжистый очень, широкоплечий, руки чуть не до земли висят, черная борода и маленькая голова? Не таков ли? Ну-ка, расспроси его.

Олег послушался – и через несколько слов всплеснул руками:

– Ну истинный портрет! Именно таков и есть Герасим, как ты описал.

– Но ведь его я и убил... – медленно проговорил Десмонд и понурился, словно нестерпимая ноша вдруг пригнула его к земле.

* * *

А и впрямь – огромная тяжесть налегла ему на сердце. Нет, не призрак убитого явился ему – судя по всему, был он негодяй отъявленный, смерть коего будет для жертв его радостью. Но... кого сочтут убийцею, вот в чем вопрос?

– Да не тревожься ты так, – тихо сказал Олег, заглядывая кузену в лицо и читая по нему, как по раскрытой книге. – Может быть, она успеет очнуться и убежать, прежде чем их с Герасимом обнаружат.

– А что проку? – в отчаянии воскликнул Десмонд. – Ты не знаешь женщин? Кто из них сможет держать язык за зубами? Она непременно проболтается какой-нибудь подружке, та – другой подружке... и все, конец бедняжке! Если все так, как ты говоришь, господин не простит ей убийства верного слуги. Ей же смерть грозит!

– Ну, знаешь! – Растерянный от такого пыла, Олег пожал плечами. – Эка ты напридумывал страстей! Еще неизвестно, будет сие или нет. Главное, чтоб очнулась девка вовремя, а уж там, чай, сообразит язык прикусить.

Десмонд нервно схватил ком снега, растер по лицу. Снег мигом обратился в воду, и Десмонд ощутил, что лоб его горит. Да и сердце горело, ныло от непонятной тревоги. В самом деле – не зря Олег глядит с таким недоумением. Ну что ему в той незнакомке? Губы у нее были сладкими, как вишни, – это да. Ну и что?

– В обмороке она! – вскричал Десмонд, обращая на Олега столь сердитый взгляд, словно тот был виновен в случившемся. – В обмороке глубоком. Я видел такое, знаю – это сродни летаргусу, шок. Сутки пребывать в нем можно, а то и больше. Ее этот злодей напугал до смерти! Нет, найдут их рядом, найдут – и ее обвинят в убийстве... Эх, если бы ее увезти, спрятать где-то! – Он с мольбой сжал руку Олега. – Позволь забрать ее, спрятать в Чердынцеве. Я в долгу не останусь.

Лицо Олега вспыхнуло было оживлением, да тут же и погасло.

– Пустое говоришь. Для тебя, по-родственному да по дружбе, я и не на такое бы решился, но... это ведь только кажется, что в мире нет ничего более, кроме этого мостка, – он потыкал рукой в снежные стены, подступившие со всех сторон. – А развеется – и станет видно, что здесь до Чердынцева рукой подать. Ну куда беглой деваться? Только к нам. Не в землю же ее схоронить – непременно кто-то увидит да проболтается. Бывало уже, прятались бахметевские битые да мученые на наших землях! Ничего с того не вышло, кроме свар да штрафов нам, хоть мы с отцом тут ни сном ни духом. Бедняг хватала да в колодки, на дыбу, под кнут...

Судорога прошла по лицу Десмонда, и Олег подивился чувствительности, вдруг проснувшейся в этом прежде надменном и сдержанном кузене. Эх его разбирает! Или и впрямь девка хороша, словно Елена Троянская? Жаль, конечно, что выходит такая нескладеха... Худо, когда помочь хочется, да нечем.

– И в петербургском доме ее не скроешь, – добавил он печально. – Тут уж непременно придется объясняться с батюшкой, а он в такую ярость придет: мол, соседское добро украли! – что держись, кабы меня не высек!

– Но человеколюбие!.. – взвился было Десмонд – да и сник: не много в нем пребывало человеколюбия, когда одним ударом пришиб того мужика! А ведь бедняга повинен был лишь в том, что не совладал с похотью... как и он сам. Мужик даже не успел свои нечистые помыслы осуществить, а Десмонд? Успел,

еще как успел! До сих пор болят колени, коими упирался в лавку, да растекается томление по чреслам при воспоминаниях. Тьфу, чертов Приап! Вот уж не ко времени одолел! Да уж... нет у него права ни просить, ни требовать. Сам эту кашу заварил, как говорят русские, – сам и расхлебывай.

– Беглые у нас как делают? – размышлял меж тем Олег. – На Дон, в Малороссию, за Урал скрываются, там просторы вольные – ищи-свищи! Но не везти же ее за Урал?

– Нет, конечно, – твердо сказал Десмонд. – Не на Урал, а... в Англию я ее увезу. Тебя же прошу лишь об одном: отцу ничего не сказывай, но помоги выправить нужные бумаги.

* * *

В Чердынцеве они остановились ровно на столько, сколько требовалось времени, чтобы сменить лошадей да положить припас на дорогу, – и снова пустились в путь к Петербургу. На облучке с новой силою взмахивал кнутом Клим. Рот у него был так стиснут, словно зашит накрепко: ведь за молчание барин обещал отдать ему в жены Глашу, дочь чердынского старосты Лукьяна, по которой Клим давно и безнадежно сох. Девка тоже была бы не прочь, да родителям Клим не глянулся. Ничего, теперь глянется, ежели сам граф молодой сватом придет! Чтобы заполучить Глашу, Клим готов был не только рот зашить, но и язык себе откусить. Он бы не дрогнув поклялся перед иконами, что не видел, как молодой граф и его родственник-иноземец приволокли откуда-то из метели нечто, закутанное в тулуп так плотно, что только русая коса до земли свешивалась. Клим нарочно тогда отвернулся. Подумаешь, беда! Дело молодое, холостое, обычное!

Вдобавок Климу предстояло довести чужеземца до самой границы, и он никак не мог опомниться от столь внезапного поворота в своей судьбе.

Всю дорогу девушка была недвижима. Десмонд иногда вглядывался в ее лицо, украдкой касался губами виска, губ – якобы проверить, бьется ли пульс, ощутить ее дыхание. Он даже себе почему-то стыдился признаться, что не в силах подавить желания прикоснуться к ней беспрестанно.

Олег поглядывал на него враз с тревогою, насмешкой и изумлением. В девичьем бледном лице, мельком увиденном, он не нашел ничего особенного, способного в одночасье свести мужчину с ума и заставить его пойти на преступление. С другой стороны, сказал же великий женолюб Франциск I: мол, жизнь без женщины – как год без весны или весна без розы! Очевидно, Десмонду вдруг среди зимы захотелось весны – что ж, его воля. Опять же – не зря говорится, что вдвоем в дороге веселее. Но чуял, чуял Олег, что наплачется еще его кузен с этим своим неожиданным приобретением, ох, наплачется! Небось она тихая, пока в беспамятстве лежит. А потом... Ну, это уж Десмондова докука. А сам Олег сделал все, что от него зависело: дарственную написал, небогатый багаж кузена, таясь, из дому вынес...

Оставалось только пожелать счастливого пути этому рыцарю Ланселоту и его безмолвной, беспамятной жертве. «Что ж с нею, бедной, станется, когда она вдруг очнется да увидит себя невесть где и с кем? Тут и ума решиться недолго!» – с внезапно проснувшейся жалостью подумал Олег и от всей души пожелал бедняжке подольше не приходить в сознание.

Ему было невдомек, что пожелание его исполнится, и чуть ли не весь путь по пустынному прибалтийскому краю, где даже деревеньки из двух-трех дворов редки и не прерывается густой сосновый лес, окружающий мрачную дорогу, Десмонд проделает, держа в объятиях по-прежнему бесчувственное создание.

Прибыли в Вильно. У Десмонда было заемное письмо к одному из здешних немецких торговых людей, и он отправился за деньгами, скрепя сердце оставив девушку на постоялом дворе под приглядкою Клима и обещая вскорости вернуться. Отсутствие его неожиданно затянулось из-за того, что он битый час искал дорогу. Десмонд толком не знал, как называется здешнее население, латыши или чухонцы, но простонародье говорило на невероятной смеси русского языка с белорусским и польским, которая была непостижима для молодого англичанина. Люди же по чину выше оказались все как на подбор недогадливыми и весьма дерзкими. Они, кроме своего языка, другого не понимали, и всякие попытки объясниться с ними оставались безуспешными до тех пор, пока Десмонд не сообразил вынуть золотой. Куда девалось высокомерное достоинство чухонское! Куда девалась важная медлительность! Не меньше десятка желающих указать правильный путь, вполне вразумительно говорящих не только по-русски, но и по-английски, собралось вокруг Десмонда, лебезя и угодничая, и ему пришлось преизрядно порастрасти свои карманы,

прежде чем наполнить их вновь.

На обратном пути он заглянул в лавку, где продавалось женское платье, и замер там в растерянности. Ему еще в Петербурге хотелось купить для своей «рабыни» новый наряд, да Олег посоветовал не дурить: мол, кто поверит тогда, что Десмонд везет крепостную девку – то есть просто вещь, – а не какую-нибудь барыню, чего доброго, мужнюю жену похищает против воли? Так и проделала девка весь долгий путь в одной холстинковой рубахе да тулупе: платье ее и осталось валяться в баньке под лавкою, куда его зашвырнул Десмонд. Да и оставались от того платья, сколько ему помнилось, одни лохмотья! Однако все, что он видел в лавке, казалось ему либо слишком вульгарным, либо мрачно-старушечьим. Наконец лавочник, раздраженный привередливостью покупателя, презрительно швырнул на прилавок русский сарафан да рубаху из белого тонкого льна, и Десмонд почувствовал, что у него гора спала с плеч. Может быть, когда-нибудь, уже в Лондоне, он и купит девушке приличное платье... вроде того красного, которое дарил некогда Агнесс. Ох и разозлился тогда Алистер за то, что брат выставил напоказ свою связь с горничной! Но теперь Алистера нет, Агнесс, может быть, уже замужем за каким-нибудь лакеем или конюхом... Впрочем, как говорят русские, свято место не бывает пусто! Десмонд везет себе новую любовницу – и это опять простолюдинка! Вот хохотали бы те, кто охотился во Франции за неуловимым спасителем аристократов, когда б узнали, сколь низменны его эротические пристрастия!

Черт подери, да неужто он, лорд Маккол, и впрямь привезет в Англию беспамятную и безвольную куклу? Честь честью, конечно, однако не лучше ли отдать все деньги, но избавиться от спутницы, пристроив ее здесь под чей-нибудь заботливый пригляд, и налегке двинуться дальше? Он даже огляделся, словно прямо здесь, на улице, ему мог встретиться подходящий добрый самаритянин, но покачал головой. Стоило только представить себе, как она очнется – совсем одна среди чужих, среди этих бесчувственных, равнодушных людей... и некому ей будет рассказать, что случилось, утешить бедняжку, ободрить на первых порах... Он топнул яростно, едва не свернув каблук, и зашагал еще быстрее, злясь на себя безумно.

Жалость! Черт!.. Честь! Дьявол!.. Сердце – ну и все такое! А ведь он даже имени ее не знает!

...Очевидно, что его возмущение – хотя бы имя свое назвала! – оказалось последней каплей в чаше долготерпения небес, которые с чисто чухонским безразличием взирали прежде на разыгрываемую перед ними драму Десмондовой жизни. Во всяком случае, едва переступив порог комнат, которые занимал на постоялом дворе, он увидел оживленного Клима, воскликнувшего:

– Ну вот и барин пришел! Ну, Марина, кланяйся поскорее барину в ножки, он ведь хозяин тебе и заступник!

Вслед за тем Клим выволок из угла какое-то бледное, упирающееся существо, которое покорно рухнуло на колени, ударившись склоненной головой в грязный от растаявшего снега Десмондов башмак.

– Очнулась, слава те, господи, – сообщил возбужденный Клим. Как будто Десмонд и сам этого не видел!

Уроки жизни

Ужасно было жить, ничего о себе не зная!

Все, что она помнила, это имя, которое почему-то вызвало неодобрение у того долговязого мужика с испуганным лицом, который был при ней, когда она открыла глаза.

– Марина? – проворчал он. – Ишь чего выдумала! Марьяшка – вот и все дела! Вот как я – Клим, а никакой не Климентий. Это небось для господ. А ты – Марьяшка!

Впрочем, он был добродушен и глядел на нее с жалостью, а потом, когда убедился, что она не дурачит его и вообще ничегошеньки о себе сказать не может, вплоть до имени отца с матерью и названия родимой деревеньки, Клим даже прослезился:

– Эка ты девонька горькая, бесталанная! Разум твой уснул накрепко – поди знай, когда пробудится!

Марина же рыдала безудержно. Жутко было ей, до того жутко! Словно вытолкнули ее на свет из тьмы, а глаза-то еще слепые. Хватается за что-то руками, но увидеть не может. За спиной – глухая немота, тишина и пустота, впереди – бурное кипенье жизни, а она стоит, качается на тоненьком мосточке между тем и другим, боясь и вперед шагнуть, и снова кануть в беспросветность прошедшего.

Когда она попыталась объяснить это Климу, он ничего не понял и посоветовал не забивать впредь голову всяческой безлепицей. Степенный кучер с радостью взял на себя обязанности ее наставника в новой жизни, однако вскоре убедился в неблагодарности этой роли. Ведь Марьяшку пришлось учить всему на свете! Пальцы ее не забыли, как плести косу, да и ложку мимо рта она тоже не проносила. Но ничего другого не умела: ни, дичась, закрываться рукавом от пристального мужского взгляда; ни молиться, ни к барской ручке подойти с поклоном, ни умильно чмокнуть в плечико, ни, тем паче, в ножки поклониться. Отбила все колени, прежде чем Клим похвалил... Но спустя малое время он убедился, что Марьяшка вдобавок разучилась щепать лучину, колоть дрова, топить печь, варить кашу да щи, стирать, белье катать, смазывать барскую обувь салом, штопать их господские чулочки, шить белье да рубахи, – и воскликнул в отчаянии:

– Ну, девка, наплачешься ты в этой жизни! А уж как барин с тобою наплачется! Небось проклянет денек, когда над тобою умилосердился!

Тут же Клим прикусил язык, но Марьяшка так пристала с вопросами, что он буркнул:

– Ну, прилипла, как банный лист!

Почему-то при слове «банный» ее даже дрожь пробрала! Вскоре стало понятно, почему это слово вселяло такой страх. А также Марьяна узнала, что обязана неведомому барину жизнью, что кабы не он – болтаться бы ей на дыбе под кнутом, либо давиться в рогатках, либо, чего доброго, уже брести в Сибирь в кандалах да с клеймом во лбу. Марьяшка схватилась за голову: половины слов она не понимала, они утратили свое значение! Однако Клим говорил и говорил, и постепенно вырисовалась перед ее глазами маленькая картинка: она-де пошла в баню, а там на нее навалился злодей, коего она убила шайкою («Ну, господи боже, шайкою, неужто не понятно? В нее воду наливают! Деревянная, круглая, тяжелая! – надсаживался, объясняя, Клим. – Моются в бане из шаек! Тьфу, экая

ты дура уродилась непонятливая!»). Чужеземный барин, заблудившись в метели, в баньку на ту пору забрел – и девку пожалел. Спас ее от неминуемой кары! Теперь он увезет ее в свой заморский дворец, и там она должна будет служить ему верой и правдою, хотя Клим не представлял, чего наслужит такая косорукая.

Словом, кое-чему в жизни Марьяшка уже была научена, когда барин появился, поэтому она постаралась как можно лучше исполнить все Климовы наставления: и в ноги бухалась, и ручку целовала, и благодарила за милость к ней, недостойной... И такая тоска ее при этом брала, словно делала она что-то чрезвычайно себе противное!

Барин оказался молод и пригож – в точности как и говорил Клим. И, верно, впрямь был он добрым человеком, ибо тотчас после всех ее поклонов кликнул какую-то девку, служащую на постоялом дворе, да приказал немедля сделать баню для Марьяшки. При этом слове ее вновь пробрала дрожь, но послушаться она не посмела: покорно побрела в какой-то щелястый чуланчик, где приготовлена была горячая вода и щелок: побрела с надеждой угодить барину и наконец-то увидеть ту самую шайку, которой... Однако даны были ей большие медные тазы, в коих Марьяшка и плескалась: сперва со страхом, а потом с восторгом. Верно, в былой жизни своей она этому занятию предавалась частенько! Совсем другим человеком ощущала теперь себя, а когда вытерлась, заплела косу и переделалась в новую справу, купленную добрым баринком, заметила, что и прочим по нраву ее новый облик: служанка более не косоротилась, не зажимала нос, Клим взглянул на недурную собой девку с изумленным одобрением, а барин... барин отвел глаза и кивнул, после чего сказал, что устал и пора спать, а Марьяшка с ужасом обнаружила, что едва понимает его слова.

– Ничего, привыкнешь! – утешил Клим, когда барин удалился в нужной чуланчик. – Я же вот привык, а первоначально тоже был как глухой. Ты, первое дело, во всем ему угождай, как и положено. И, – он побряхтел смущенно, – не забудь, девка... Ночь – она и есть ночь. Ну а день – он и есть день. И что бы там промеж вас ночью ни было, шибко не заносись. Днем свое место помни, будь тише воды ниже травы, по одной половине ходи. А то видел я, знаешь, таких... потешит с ними барин удаль молодецкую, девка же возомнит о себе, словно ее за царевича просватали! А барин-то глядь – и другую к себе позвал, а первой дал печатный пряник – вот и вся любовь! Видал я таких... горько им. Высоко залезши, падать больненько, а близ барской милости – что близ огня. Опять же –

поведешь себя с умом, небось и выгоды добудешь: барин добрый, ласковый, при таком живи да радуйся!

Клим испуганно смолк: барин в шелковом халате, со свечой в руке проследовал через комнатушку, где кучер в углу шептался с Марьяшкой, вошел в свою опочивальню и оставил приоткрытой дверь.

- Ну, иди, иди! - подтолкнул девушку Клим.

- Да ты что? - испугалась она. - Да я же ему спать помешаю!

- Твое счастье, коли так! - сурово изрек Клим и подтолкнул Марьяшку с такой силой, что она влетела в приотворенную дверь и едва не ударилась в барина, стоящего возле пышной постели.

Он глубоко вздохнул, увидев девушку, а у нее отнялось дыхание. Он глядел своими светлыми, мерцающими глазами так странно, так пристально...

Наверное, следовало бы заслониться рукавом, но Марьяшка не могла этого сделать, а только обреченно закинула голову, когда барин приблизился и склонился над ней. Он распахнул халат и прильнул к ней. Марьяшка на миг испугалась, ощутив его горячую наготу, а потом все исчезло для нее, кроме одного желания: все ближе и теснее прижиматься к этому телу.

Мешала одежда. Она с досадою принялась срывать ее с себя, но барин не стал ждать, пока она разберется с поясками да пуговками: задрал рубаху да сарафан, обнажив прохладные бедра, а потом чуть приподнял. Марьяшка испуганно вскрикнула - голова у нее закружилась - и, чтобы удержаться, оплела спину барина руками и ногами. Тут же она вскрикнула изумленно, ощутив в себе горячую, тугую плоть, отпрянула - но барин держал крепко и вновь прижал ее к себе... а вскоре она и сама поняла, как отыскать сласть в этих движениях. Одна мысль промелькнула в этот миг - и тут же сгорела в пожаре страсти. Мысль, что к его телу прижимается она не впервые.

* * *

Едва доехав до Митавы, с Климом простились. Здесь были границы страны; вдобавок лошади устали тянуть сани по раскисшей смеси снега с песком: зима сюда, чудилось, едва вошла – и остановилась. Клим рассказывал, сколько снегу навалило в ту ночь, когда Марьяшка совершила убийство. «Человека в рост могло засыпать, вот эдакая мелась метелица!» Однако для девушки все это было пустой звук: она по-прежнему ничего не помнила о былом. Из новых Климовых уроков она усвоила прочно лишь один: научилась просыпаться прежде барина и исчезать из его постели до рассвета.

– И думать не моги, – ужасался Клим, – чтоб он тебя увидал рядом поутру. Это для жены аль желанной сударушки; ты же хоть девка ладная да пригожая, а все же оторва последняя, прости господи! Ну за что прикончила того бедолагу? Убыло б от тебя разве, коли он бы попользовался? Зато жила бы сейчас – как сыр в масле каталась! Ну что ж, теперь сиди, где посажена, стой, где поставлена, лежи, где положена!

Еще Клим все время твердил, что днем надо держаться с бариним скромно, даже диковато. Не глазеть на него, не хихихать, как с ровней! И вечером не соваться к нему до тех пор, как знака не подаст. Нельзя!

Марьяшка и не рвалась. Она не только от Клина, но даже от себя самой таила, что сердечко ее ежевечерне трепещет: позовет? не позовет? Он звал всегда и во тьме ночной владел Марьяшкой с неиссякаемым пылом, однако ни слова при том не слетало с его распаленных уст. Молчала, конечно, и она, и только тяжелое, прерывистое дыхание сопровождало это неутомимое любодейство.

На ощупь она знала каждый изгиб его стройного тела (ему нравилось, когда она набиралась храбрости и ласкала его), однако днем глаза его всегда были как лед, и губы на замке, а голос как ветер за окном. Марьяшке никакого труда не составляло робеть и дичиться, забиваться в уголок возка... и с нетерпением ждать, когда настанет новая ночь.

Итак, Клим отбыл восвояси, пожелав милостивому барину (одарившему кучера увесистым кошельком) божьего покровительства. Того же он чаял для Марьяшки, по-прежнему сокрушаясь тем, что та так и не приноровилась чистить господскую обувь. Слава богу, хоть штопку да шитье вспомнила!

Теперь они путешествовали в дилижансе. Это ведь была уже чужеземщина, а по ней в возках не ездят. Сидели в длинной объемистой карете на лавках, прибитых вдоль стен, да не одни – в компании с другими путешественниками. Багаж барский увязан был на крыше, кроме малого саквояжика; Марьяшка держала в руках узелочек со своей чистой рубахой да чистым платочком.

Шуба тоже лежала в багаже: в чужеземщине такой одежды не носили. Барин справил Марьяшке толстенный клетчатый платок, в которых здесь ходили все женщины. И она сидела, завернувшись в него с головой: платок был огромный и назывался пледом.

Это слово Марьяшка усвоила – как и многие другие. Сам барин языка по-русски больше не ломал – учил Марьяшку своей иноземной речи: ведь ей теперь предстояло навечно привыкать к чужому. И не мог скрыть удивления, сколь легко она запоминала новые слова! Труднее было выговорить их так, чтобы барина не перекашивало от смеха, но Марьяшка и это одолела. Словом, через неделю, когда они миновали без задержек Пруссию, она преизрядно понимала и говорила на его языке и знала, что называть барина следует *mylord* – милорд. Однако в стране, именуемой Францией, он изъяснялся только по-французски и настрого запретил Марьяшке звук молвить по-английски. Впрочем, несколько простейших нужных слов она изучила и на этом новом языке – с прежней легкостью. Смысл почти всего, что она слышала, оказался ей понятен, и барин снова был изумлен. Однако новые успехи ее не радовали: два слова, кои милорд всегда говорил ей только по-английски, давно не звучали, и с утра до вечера она мечтала услышать их вновь. Эти слова были – *come here*. Иди сюда...

Но... но ждала она попусту. На постоялых дворах слуги жили отдельно от господ, в плохоньких, тесных помещениях. Прислуживали господам лакеи, комнаты для постояльцев были на двоих, на троих. Некуда барину было ее позвать ночью, и Марьяшка вся извелась, видя день ото дня лишь суровость и холод в его лице. Ночи словно бы вообще исчезли! Она лелеяла воспоминания, однако с каждой одинокой ночью, проведенной в компании каких-нибудь грубых немков или брезгливых француженок, воспоминания тускнели, а надежды меркли.

Прав, прав был Клим, говоря, что надо знать свое место! Как она вообще осмелилась об сем помыслить, чего-то ждать от барина, в чем-то его мысленно упрекать?

Марьяшка только тогда ожила, когда суровый капитан, нипочем не желавший брать ее на корабль, все же смягчился и пустил на свое уютное суденышко. Не устояв перед щедрой оплатой, он даже предоставил «рабовладельцу» отдельную каюту: более похожую на чулан, но все же отдельную. Все задрожало в Марьяшкиной душе: что в плавании они будут находиться день, и, хоть барин никогда не говорил ей: «Come here!» днем, все-таки мало ли что может быть!

Каютка показалась ей уютной. Правда, кровать была похожа очертаниями на гроб... через миг выяснилось, что показалось не напрасно.

– Вот здесь, – объявил капитан, – лежала прекрасная француженка, которую год назад я тайком перевозил к английским берегам. Ее спасла «Лига Красного цветка» – но, увы, лишь для того, чтобы дама умерла свободной! Сердце маркизы Кольбер не выдержало радости, оно было надорвано испытаниями...

– Маркизы Кольбер? – воскликнул милорд изумленно. – Так она умерла!

– Вы знали ее? – насторожился капитан. – Каким же образом?

– Очень простым, – печально ответил милорд. – Никто другой – я привез маркизу из Парижа в Кале и поручил ее заботам следующего связного. Да... она была слишком напугана, слишком измучена, у нее не оставалось сил жить.

– Ваша правда, – кивнул капитан. – Однако же неужто вы, сударь, принадлежали к лиге?

– Клянусь, – усмехнулся милорд. – Клянусь вам в этом, как перед богом! И, быть может, теперь вы поймете мою снисходительность к варварским русским обычаям? Видите ли, я просто пресытился этими *liberte, egalite et fraternite!* [10 - Свободой, равенством и братством! (фр.) Эти слова были девизом французской революции.]

Капитан расхохотался.

– Черт побери! Вам следовало сказать об этом сразу, дорогой сэръ, тогда бы мы не потеряли столько времени и не задержались с отплытием. А надобно вам сказать, что меня очень смущает ветер. Он из тех, что могут мгновенно

перемениться, и тогда плавание наше не будет столь приятным, как хотелось бы. Да и туман, висящий над морем, мне не нравится. Простите, сэра, мне смертельно хочется расспросить вас о делах лиги, но сейчас мое место на капитанском мостике. Не хотите ли пойти со мной? Потом, когда дела будут исполнены, я угощу вас настоящим английским портером. Вы небось наскучались по нему?

– Почту за честь и удовольствие! – весело ответил милорд и вышел вслед за капитаном в низенькую дверь, даже не взглянув на Марьяшку.

Она отошла в уголок, прислонилась к дощатой стеночке, потом села, где стояла. Сердце так болело, что Марьяшка прижала руки к груди. Ком подступил к горлу. Она давилась, давилась им, кашляя и всхлипывая, потом вдруг ощутила, что лицо ее мокро...

Плакала она долго, а барин все не возвращался. Уже давно корабль качался на волнах; Марьяшка даже вздремнула, а его все не было. Фонарь, мотавшийся под потолком, едва рассеивал полумрак, хотя сквозь круглое окошко было видно солнце. Но уж больно маленькое оно было, это окошко! Вдобавок закрытое накрепко, так что в него вовсе не проникало воздуху.

В каютке сделалось так душно, что Марьяшка просто-таки места себе не находила. Ей было то жарко, то холодно, и снова подкатил к горлу ком, но это были уже не слезы, а словно бы все нутро ее взбунтовалось и рвалось наружу.

Она то садилась, то ложилась. Но пол был такой сырой и холодный, что ее тут же начинала бить дрожь. Она бросила тоскливый взгляд на кровать. Барин бог весть когда вернется. А ей бы сейчас прилечь на мягоньком... ну не убьет же он ее, даже если и застанет здесь!

Марьяшка уже приготовилась расстелить свой плед, да вспомнила слова капитана об умершей даме – и облилась ледяным потом от страха. А ну как и она здесь умрет?! Небось милорд, каков бы он ни был добрый, не повезет с собой мертвую. Кинут в море, как камень...

Эта мысль ужаснула Марьяшку. Она умрет, непременно умрет, ежели пробудет здесь еще хоть мгновение! Просто задохнется! Не думая, как разгневается барин, она дрожащей рукою толкнула дверь и на подгибающихся ногах

выбралась на палубу.

В первую минуту свежий воздух освежил ее и прояснил разум, но тут же порыв студеного ветра пробрал до костей.

Плед-то она забыла в каюте! Но вернуться было выше ее сил. Марьяшка знала: если она отпустит дверь, то рухнет и уже больше не встанет. Не только потому, что дрожали и подкашивались ноги, – вся палуба дрожала и ходила ходуном. С нею и здоровому-то не совладать, не только измученной Марьяшке.

Мимо, не заметив ее, прошли двое: мужчина почти нес на руках даму с растрепанными волосами, без шляпы. Похоже, ветром сорвало. Тяжелое дыхание вырывалось из ее уст, слезы катились по бледному лицу.

– Мне дурно... я умираю... – бормотала дама.

Мужчина, впрочем, выглядел не лучше, но сознание, что не она одна страдает, не утешило, а испугало Марьяшку.

А где же ее милорд? Что, если он упал где-нибудь в приступе внезапной болезни и некому прийти ему на помощь? Капитану небось не до него. И тут Марьяшка увидела знакомую высокую фигуру на мостике. Стоявший рядом капитан, вцепившись обеими руками в поручни, вглядывался в зеленоватую мглу. Ветер хлестал корабль по бокам своим мокрым бичом. Вдруг что-то мокрое окропило Марьяшку. Пена шипела и таяла на ее руках.

Капитан закричал. Марьяшка взглянула в ту сторону, куда он показывал.

Волна нарастала над кораблем... Вдруг девушка догадалась, что капитан крикнул: «Держитесь крепче!» В то же мгновение она увидела своего милорда, который, пригнувшись, бежал к ней по палубе. И он ни за что не держался! Да его сейчас смоеет за борт!

Марьяшка выпустила спасительную дверь, кинулась к милорду, вцепилась в него – волна накрыла их, сбила с ног, поволокла по палубе. Что-то ударило Марьяшку в голову... боль пронзила виски, в глазах смерклось... и все исчезло.

* * *

На какой-то миг Десмонду показалось, что волна смывает их в море или увлечет в трюм, где лежали, выставив острые когти, корабельные якоря. Однако волна ушла, не причинив видимого вреда, разве что он ощутил себя мокрым до костей. Черт! На таком ветру, в январе! Надобно поскорее переодеться.

Он вскочил на подгибающихся ногах, рывком поднял девушку, но она повисла на его руках, бессильно запрокинув голову.

О! Ну как же снова не помянуть черта?! Эта простолюдинка хлопается в обморок при каждом удобном случае – совсем как знатная дама. А если ею опять завладеет тот же летаргус, на неделю, а то и на две? Кто будет за ней ухаживать – он сам, Десмонд?

Он вообразил, какое выражение лица сделается у слуг, которые будут встречать его на пристани в Дувре и увидят лорда с бесчувственной славянкой на руках, – и против воли засмеялся. А что скажут люди его круга? Он вздохнул: нелегко придется в Англии, особенно на первых порах! Впрочем, матушку его всегда считали особой со странностями; смирятся и с наследственными причудами сына...

Толкнув ногой дверь, он вбежал в каюту, опустил Марьяшку на кровать и с радостью увидел, как блеснули ее глаза. Благодарение богу, очнулась!

– Переоденься. Мы оба вымокли насквозь, – бросил он и, подойдя к сундуку, принялся вытаскивать оттуда сухое. Поскорее сменить белье! Хорошо бы еще растереться бренди, и не только растереться.

Конечно, джентльмену, каковым был лорд Маккол, следовало подождать, пока приведет себя в порядок дама. Хоть Марьяшка (ох, ну и наградила же ее господь именем – язык сломаешь!) и простолюдинка, а все-таки особа женского пола. Но Десмонда била такая дрожь, что он не думал о приличиях. В конце концов, она не увидит ничего, что не видела или не трогала прежде. Ведь по ночам...

При воспоминании об этих ночах Десмонда пробил новый приступ дрожи. Они так давно не проводили ночей вместе... Зачем скрывать, что желание томило его? Конечно, он стыдился своей пылкости к этой крестьянке, ведь тело в такие

минуты властвовало над лордом Макколом и заставляло забыть обо всем. Какая ему разница была, кто здесь родом выше, кто ниже, когда они лежали рядом, обнимая друг друга, и не было в мире существ ближе?..

Десмонд снял рубашку, но не ощутил холода. Все тело его пылало так, словно он не просто растерся бренди, а принял ванну из этого славного напитка. И голова кружилась, как после доброго глотка. Да, он пьян... пьян от желания, и ежели тотчас не расстегнет штаны, они порвутся. Впрочем, зачем оставаться в мокрых штанах? Лучше их снять совсем.

Через мгновение он стоял голый, и оружие его было настолько готово к бою, что колыхалось при ходьбе, словно меч, выскивающий цель.

«Цель» между тем так и лежала на кровати, в мокрой, облегающей тело одежде. Можно было просто задрать ей юбку, но Десмонд усмирил себя. Ощущать ее всем телом – это было восхитительно, это добавляло хмеля в напиток их страсти, поэтому он принялся расстегивать пуговицы на ее рубашке, да она, ворохнувшись, невзначай задела рукою его естество – и терпение Десмонда иссякло. Он буквально вырвал девушку из мокрых тряпок, не глядя отшвырнул их куда-то на пол и, вспрыгнув коленями на узкое, неудобное ложе, встал меж белых, нежных ног.

Марьяшка лежала недвижимо, глядя ему прямо в глаза. Десмонду показалось, что она глядит с выражением бесконечного изумления, словно не понимает, кто он и что намерен делать с нею. Конечно, она удивлена, что милорд намерен заняться любовью днем. Но ему осточертело чувствовать себя воришкой в постели. Кто сможет осудить его, за что? Если он хочет эту женщину так, как в жизни никого не хотел, с этим придется смириться всякому, кто не желает стать его врагом. Он загнал «лорда Маккола» с его английским пуританством подальше в недра души – сейчас сделать это было легче легкого! – и, подхватив девушку под бедра, повлек ее к себе, медленно проникая в нее и пытаясь отдалить судороги страсти. Но стоило ее жарким недрам принять возбужденную плоть, как Десмонд понял: медленную любовь он оставит до другого раза.

Она все так же неотрывно глядела ему в глаза, губы дрожали, и Десмонд наблюдал, как наслаждение подчиняет ее себе. Чудилось, их слившиеся взоры тоже предаются любви, и в том, что они сейчас не таились друг от друга, было нечто такое, что привело Десмонда в неистовство. Никогда еще он не завершал соитие так стремительно! Чудилось, вся сила его хлынула в разверстые женские

недра, сливаясь со встречным потоком. Где-то на обочине сознания мелькнуло подобие страха: не всего ли себя он отдал сейчас? осталась ли в нем хоть капля, из которой возродится новая река жизни? Тело девушки билось, металось на постели, в то время как глаза выражали прежнее безграничное изумление, а рот дрожал так, словно слова изнутри бились в стиснутые губы.

Изнемогая, Десмонд рухнул на нее, простерся в блаженном бессилии... и в это время, совладав наконец с голосом, Марьяшка слабо, тоненько выкрикнула:

- Оставьте меня, сударь, вы с ума сошли?!

Честь лорда Маккола

- Сэр, ради бога... - Капитану Вильямсу очень хотелось схватиться за голову и хорошенько ее потрясти. Может быть, тогда все взбаламученные мысли его пришли бы наконец в порядок и жизнь сделалась бы такой же спокойной, каким было море накануне отправления из Кале... пока внезапный шторм не взбаламутил и его, и этого странного пассажира.

Шторм, впрочем, улегся так же внезапно, как и возник, а вот приступ безумия, овладевший лордом Макколом, что-то затягивался. И поэтому больше, чем свою голову, капитану Вильямсу хотелось бы потрясти сейчас этого молодого человека, чтобы наконец вразумить его. Впрочем, Маккол и так выглядел потрясенным, даже чересчур.

- Сэр, послушайте, - начал с самого начала капитан Вильямс, на всякий случай убирая руки за спину, чтобы не дать себе впасть в искушение. - Подумайте о своем положении в обществе. Вы происходите из родовитой, почтенной семьи, вы - граф, вы - лорд.

- Я всего лишь один год - лорд, а уже двадцать пять - подданный ее величества британской королевы, - буркнул пассажир.

- Да неужели вы почтете себя обязанным?... - Капитан едва не задохнулся в отчаянии. - Сэр, я не понимаю вас!

– Я не могу поступить иначе, – тихо проговорил лорд Маккол. – Она назвала меня подлецом – видит бог, у нее есть все основания так говорить!

Капитан поглядел задумчиво:

– Вы, помнится, рассказывали, будто в России непокорным слугам... р-раз! – и нет головы?

Лорд Маккол помолчал, потом, криво усмехнувшись, молвил:

– Ну, я наплел всяких баек, чтобы убедить вас взять нас с нею на борт. Правда лишь в том, что я роковым образом вмешался в судьбу этой несчастной, и теперь честь моя требует, чтобы я искупил свою вину перед ней.

Капитан Вильямс задумался. Мрачный взор молодого человека не на шутку встревожил его. О боже, с таким богатством, внешностью, знатностью... Воистину, жизнь этого человека могла бы стать подтверждением слов Вольтера: «Земной рай там, где я». А вместо этого... Чудилось, за спиной лорда стоит некая черная тень, и это она требует от него столь непомерной жертвы. Неужели честь – это кровожадный африканский жрец, рассекающий грудь жертвы, чтобы вынуть из нее живое сердце и поднести его на золотом блюде низкому, недостойному, алчному существу?

Впрочем, Вильямс – истый англичанин – не хуже Десмонда понимал, что самый суровый суд, которому подвергается когда-либо джентльмен, это суд его собственной совести. Если для лорда Маккола это и в самом деле вопрос чести – или смерти, как он уверяет, капитан исполнит требуемое. Но все-таки он сделал еще одну попытку образумить молодого человека, предложив в заключение разговора:

– А нельзя ли, сэр, подождать до прибытия в Дувр? Там вы отыщете более компетентных людей... В конце концов, остался какой-нибудь час пути, ничто нам более не угрожает, шторм улегся...

– Не лукавьте, капитан! Вы прекрасно знаете, что на море полный штиль, мы стоим на месте, и неведомо, когда паруса наши вновь наполнятся попутным ветром, – укорил Маккол. – Кроме того, я сообщил о своем прибытии, меня будут встречать, и я не желаю подвергнуть бедную женщину новым унижениям в

присутствии слуг. Они и подозревать не должны о ее прежнем двусмысленном положении! Они сразу должны видеть в ней... – Он поперхнулся словом. – Разумеется, я не могу принудить вас, могу только просить...

– Ах, боже мой! – только что не взвыл добросердечный капитан, осознав полнейшую тщетность своих усилий. – Бог с вами! Вы меня убедили, сэр. Ведите, ведите ее сюда, да поскорее...

Маккол не двинулся с места. Его опущенное лицо вспыхнуло. – Не могли бы вы пойти со мной в каюту, – чуть ли не умоляюще шепнул он. – Там, на берегу, я тотчас пошлю по лавкам, но пока...

Вильямс понял. Маккол не хотел, чтобы кто-то увидел это злосчастное существо, которому выпала такая счастливая карта, в отрепьях.

«Зачем, зачем я дал себя уговорить и взял их на борт? – подумал он в отчаянии. – Тогда они бы не попали в шторм, от которого достопочтенный лорд спятил!»

Но ничего уже нельзя было вернуть назад, и сказать было нечего, кроме как буркнуть уныло:

– Ну пойдете, коли вы уже решились...

«Погубить себя», – добавил капитан мысленно и, достав из шкафчика толстую книгу в кожаном переплете, выбрался из каюты на вольный воздух, стремясь как можно скорее сложить с себя тягостную обязанность.

* * *

Едва услышав исполненный возмущения возглас: «Оставьте меня, сударь, вы с ума сошли?!» – Десмонд почуял неладное и, вскочив с постели, растерянно замер перед расprostертой девушкой, пристально вглядываясь в лицо, сделавшееся вдруг совсем иным, гневным и от этого незнакомым. Его еще не ослабелое орудие вызывающе торчало вперед, и, бросив на него растерянный взгляд, девушка съежилась, закрыла лицо руками.

Ничего пока не понимая, Десмонд тоже безумно устыдился и начал торопливо напяливать на себя одежду, удивляясь, почему мокрая ткань налезает с таким трудом. Не совладав со штанами, он вновь потянул их вниз... и в этот миг с постели донесся исполненный ужаса вопль. Обернувшись, он увидел, что девушка сидит, поджав колени к подбородку, с расширенными от ужаса глазами...

Она вообразила, что сейчас снова будет подвергнута насилию? Почему, о господи, с чего он вдруг стал внушать ей такое отвращение? Или она забыла, начисто забыла, какая дрожь только что сотрясала ее тело, как туманились глаза? Или дневной свет вызвал этот приступ чрезмерной стыдливости?

Желая успокоить бедняжку, Десмонд развязал узелок, в котором она держала сменную рубаху, и протянул ей, мешая русские и английские слова, как изъяснялся с ней обычно:

– Cold... до костей. Ship... волны – бух! На палуба. Сухое dress надевать, Марь-яш-ка... you'll be ill!

– Какая палуба? И что за тряпье вы мне суете? И какая я вам Марь-яш-ка, сударь?!

Она в точности, так же ломая язык, как Десмонд, произнесла свое имя, однако все остальное было почти безупречной английской речью, и он остолбенел.

Выходит, она прекрасно обучена его языку? Но где, как русская крестьянка могла?..

Вдруг тяжесть налегла на его сердце, и впоследствии, уже годы спустя, Десмонд не раз думал, что прозрение, подобное некоему божественному озарению, настигало его уже тогда, и, если бы он поддался, дал себе труд одуматься, осмыслить все эти странности, его жизнь могла бы сложиться иначе.

Да, все могло бы быть иначе, если бы... если бы она хотя бы позаботилась прикрыть наготу, прежде чем пускаться в дальнейшие вопросы!

– Позвольте спросить, где мое платье? – вскричала Марьяшка, сурово взглянув на него и став на колени, так что все ее дивное тело вновь открылось Десмонду: полушария тяжелых грудей вздрогнули, вызвав знакомую судорогу внизу живота.

Как всякая женщина, она цеплялась за мелочи, пытаясь найти в них опору.

Десмонд ответил раздраженно:

– Его пришлось выбросить. Но не тревожься, в Англии я куплю тебе новое, и не одно, а сколько пожелаешь!

О, каким облегчением было не коверкать язык в несусветных русских словах! Он улыбнулся, но не получил ответа на улыбку. Заломив бровь, девушка взглянула на него с презрением:

– В Англии?! Вы? Да кто вы такой, чтобы я позволила... Поверьте, сударь, я не нуждаюсь ни в чьем покровительстве!

Эта бессмысленная заносчивость вдруг взбесила Десмонда.

– Вы мне принадлежите, – рявкнул он. – Что бы вы ни говорили, что бы ни возомнили вдруг – вы моя собственность! Советую вам помнить свое место и впредь не забываться!

Едва выговорив последние слова, он пожалел о них и об интонации, с которой они были сказаны... к чести его, следует добавить, пожалел еще прежде, чем девушка подалась всем телом вперед и вlepила ему пощечину.

Удар был не по-женски увесист. И Десмонд едва удержался на ногах, а девушка так и рухнула плашмя, чудом не скатившись с гробовидного ложа.

И пока она лежала, воздев выше головы свои прелестные округлые бедра, Десмонд не совладал со внезапно вспыхнувшей яростью и наградил ее увесистым шлепком. Попка ее оказалась такой тугой, что он ушиб ладонь, но и ей, конечно, причинил боль, от которой она так и взвилась.

Десмонд усмехнулся: он слышал, что некоторые женщины безумно возбуждаются во время таких вот милых игр. Но это так не похоже на прежнюю Марьяшку, которую он знал... И он спохватился: да ведь эта женщина не в себе! С нею вдруг что-то случилось... как там, в бане, где Марьяшка вдруг позабыла все свое прошлое, так и теперь, во время бури. Это просто помрачение, которое должно пройти.

Эй, да что это с нею?! Соскочила с постели, бежит вперед...

Марьяшка налетела на него, но что была ее сила, пусть дикая, пусть вольная, против мужской силы! Он хотел привести ее в чувство, прекратить этот припадок безумия. И был только один способ... во всяком случае, сейчас.

Она билась, рвалась, но он вновь бросил ее на кровать, прижал всем телом, думая лишь об одном: какое счастье, что еще не застегнул штаны!

Марьяшка тихо, хрипло стонала, пытаясь его укусить, но уворачиваясь при этом от поцелуев. Десмонд бился, утоляя свою страсть, судороги близкого извержения подступали – и уходили, и возвращались вновь.

Заныла рука, которой он держал девушку. Десмонд резким движением высвободил руку – и жертва его тотчас ожила, взвилась, пытаясь его сбросить, пустила в ход кулаки, ногти, рвала в клочья его рубаху, опять начала метаться, отгоняя надвигающееся наслаждение, и это затянувшееся, исступленное ожидание вдруг привело Десмонда в неистовство.

Послышался вопль, сменившийся рыданием, и, глядя на залитое слезами лицо, Десмонд почувствовал наконец желанное освобождение. Он извергся, вылил из себя все, как из переполненного сосуда... не ощутив при этом ничего, кроме щемящей, болезненной пустоты.

Он еще долго лежал, придавив слабо вздрагивающее тело. Девушка больше не билась, не кричала: только тихо плакала. Слезы лились неостановимо, и щека Десмонда, прижатая к ее щеке, была мокрой. Да и все его тело было мокрым от пота, и наконец он озяб и нашел в себе силы сползти на пол. Ноги не держали – он сел, с тупым удивлением осознавая: да ведь это первый раз в жизни он достиг финала, не испытав никакого удовольствия. Куда горше оказалась мысль,

что впервые с той поры, как он слюбился с этой женщиной, ее тело билось и трепетало не от наслаждения, а от ненависти. Да, уж ей-то он наверняка причинил сегодня только самую лютую боль!

Он вяло принялся в очередной раз переодеваться, сам себе удивляясь: или это три года общения с санкюлотами на него так подействовали, что, получив от этой рабыни свое, принадлежащее по праву, он ощущает себя по меньшей мере убийцей? Как жаль, что волны не хлещут больше по палубе, не заглушают все звуки, и ему отчетливо слышно каждое резкое, болезненное всхлипывание!

Во всяком случае, надо заставить ее одеться. В каюте довольно холодно, а она так лежит...

Десмонд набрался храбрости, взял злополучную рубаху, валявшуюся на полу комом, осторожно подступил к постели, прокашлялся... и отшатнулся: девушка резко села, обернулась к нему, выхватила рубаху и напялила ее на себя так стремительно, что ее похвалил бы даже солдат, одевающийся по тревоге.

Сердце у Десмонда колотилось как бешеное, и он понял, что не на шутку испуган – испуган этими лихорадочно блестящими глазами, этим мрачным решительным выражением лица. Что она скажет... что она ему скажет сейчас?

– Сколько они вам за это заплатили? – с ненавистью спросила она.

* * *

...Что бы ни сказал ей теперь этот человек, Марина ему не верила. Хотя концы с концами кое-где сходились. Она-то думала, что как обмерла в его объятиях в баньке, в рождественскую ночь, так и пробудилась в новой дрожи наслаждения в полутемной комнатухе, где пахло соленым ветром. Когда он владел ею, наполняя тело восторгом, душа и ум ее метались впотьмах, не в силах осмыслить свершившееся, понять, какая страна открылась ей за уснувшими зеркальными водами Леты. Проще всего было поверить, что в баньку все-таки явился к ней черт, который своей нездешней силою перенес ее в пекло или его преддверие, потому что на человеческое жильё сия полутемная каморка никак не походила. Правда, даже близ пекла, не то что в нем самом, должно быть очень жарко; здесь же сквозило сыростью. Это ведь только потом Марина

узнала, что находится на корабле, плывущем в Англию!

Память возвращалась к ней с толчками крови, пульсирующей от наслаждения: вот Герасим с незрячими от похоти глазами нависает над ней, вот она отбрасывает его, и голова его вдруг издает страшный треск и разваливается на куски, причем обезумевшему воображению Марины показалось, будто от головы его отлетают деревянные... Вот какой-то сухопарый Клим учит ее кланяться в ножки, твердя, что она – оторва кандальная, смертоубивица, и кабы не добрый аглицкий барин по имени Милорд... вот растерянные светлые глаза встречаются с ее глазами, вот жаркое тело прижимается к ее телу... она смутно помнила, что не раз принадлежала ему и он владел ею как бы по праву, а ей и в голову не восходило отказывать.

Теперь этот человек уверяет, что она была в забытии, себя не помнила, а поскольку первая встреча их случилась в баньке, вдобавок одета Марина была самым убогим образом, он и принял ее за деревенскую девку, готовую на все. Ну не было у него причины подумать иное! Он еще твердил, будто желал спасти ее от расплаты за свой же грех – убийство Герасима; что заботился о ее благе, намеревался даже в Англию забрать с собою, там бы она жила себе да жила...

– Кем жила? – спросила Марина ехидно. – Прислугою? Игрушкой вашей? А ну как прискучу? Тогда на улицу?

Он отвернул свое надменное лицо, на которое Марина теперь взирала с отвращением. А ведь там, в баньке, он ей пришелся по сердцу... ох как пришелся! Но теперь она помнила одно: лютую боль, унижение, которое испытала по его вине, когда он брал ее силою, грубо, с ненавистью, – и не сомневалась: все, что он плетет, – ложь.

Конечно, на самом деле было так: когда она пошла гадать в баньку, ее выследил Герасим. Но этот «заблудившийся лорд» (конечно, Россия – извека страна чудес, но чтобы английские лорды вот так, запросто, шатались в богом забытой глуши...) пришел раньше и обольстил Марину. Нет, она признавала, что не противилась ему. А какая женщина устояла бы? Это теперь ей известно, что он – гнусный наемник, за деньги готовый на любую низость, но откуда, господи помилуй, она могла тогда об этом знать?!

Нет, она снова сбилась с мысли...

Итак, «лорда» подкупили ее тетка с дядюшкой – в этом у Марины не было ни малого сомнения. Откуда они его выкопали – бог весть. Но немало авантюристов попало в Россию в те времена: все эти бесчисленные французские «графы» да «маркизы», бежавшие от гильотины и наполовину бывшие просто искателями легкой наживы в стране доверчивых дикарей. Мог затесаться среди них и один англичанин, обольстительный, как павлин, ветреный, как мотылек? Мог. Вот и затесался на Маринину погибель. Очевидно, тетушка с дядюшкой рассудили, что чем большее расстояние отделит племянницу от дома, тем лучше. Из Франции небось и пешком дойдешь в случае чего, а из Англии... Это ведь только государыня Елизавета Петровна думала, что из Лондона до Петербурга можно доехать сушею! Нет, море – это такая преграда, кою не всякому одолеть посильно. Поэтому выбор злодейских опекунов, решивших раз и навсегда закрепить за собою богатства бахметевские, пал на «лорда». Ну, стало быть, он получил немалые деньги, попользовался девичьей доверчивостью, прикончил не вовремя явившегося Герасима (это было единственным его добрым делом, хотя и совершенным в неведении!), а потом увез Марину, опоив ее каким-то зельем, продолжая опаивать в дороге и намерившись непременно внушить ей, будто она – холопка, годная лишь прислуживать и ублажать своего господина. Что она и прodelывала со всяческим рвением и прилежанием – от слова лежать...

Марина так вонзила ногти в ладони, что едва не закричала от боли. Но боль отрезвила ее и удержала от единственного, чего страстно хотелось сейчас: убить разбойника, злодея, погубителя всей ее жизни. Но это ей с рук не сойдет, и мечтать не стоит. Довольно и того, что в России теперь идет слух о ней как об убийце. Никто ведь не сомневается, что княжна Марина Бахметева убила лакея... и что? Сбежала, убоявшись правосудия? Ну, нелепость! За смерть какого-то гнусного раба, вдобавок вознамерившегося ее изнасиловать?..

Клевету тетка с дядей могут распустить всякую, да никто не поверит. Как же они объясняют исчезновение племянницы? Марина невесело усмехнулась: кому, ради бога, объяснять?! Кто о ней спросит? Даже с ближайшими соседями, Чердынцевыми, она уж года три, а то и больше не виделась. Они небось и забыли о ее существовании. А тем немногим, кто может побеспокоиться о ней: прислуге да крестьянам, – самым убедительным, пожалуй, покажется вот такое объяснение: ослушалась, мол, барышня барской указки, украдкой отправилась гадать, чем совершила перед богом грех непростительный – за грехи-то ее черти из баньки и уволокли! Куда? Знамо, куда уволокивают черти: в преисподнюю, и никто никогда барышню не увидит более, потому что нету оттуда пути назад, на белый земной свет...

Марина стиснула кулаки: о, сколько же сейчас слухов, сплетен плетется вокруг ее имени! А все из-за этой английской голи перекатной, этого воровского «лорда», который намерился поправить свои обстоятельства ценою чести, счастья, жизни безвинной девушки!

И тут Марина силком усмирила поток гневных обвинений, изливавшихся из ее сердца. Все-таки он не убил ее, хотя и мог. Попользовался бы – да и придушил, и иди, разбойничек, путем-дорогою! Нет, оставил живой и с собою забрал – пусть на утеху забрал, но все же не кинул на обочине безумной, беспамятной. Выходит, Марине даже есть за что его благодарить?

Она взглянула в угол, где сидел, устало понутив плечи, ее «лорд». И тут же осенило: он не дурак, вот и не убил! Это же такой подарок был бы опекунам: найти племянницу мертвой и пустить погоню по следу убийцы! Они – неутешны, они – чисты, они получают баснословные бахметевские богатства. А его – на правож. Не поверят ведь, что он был подкуплен... «Лорд», конечно, умен. Оставил Марину живой, чтобы и греха на душу не брать, и блуд чесать, когда вздумается. Но если он полагает, что она его еще раз к себе подпустит...

И вновь уныние овладело Мариною. Нечего и думать – ему противиться! Силища, это какая же силища скрыта в стройном, худощавом теле! Он же как каменный весь... весь...

Она плотнее сжала колени. Нет уж. Никогда больше по своей воле!

О...ой! Почему, зачем он вдруг встал? Идет к ней? Что, опять? Она со страхом уставилась на него, приоткрыла рот, готовая закричать...

* * *

Конечно, над всем, что она тут наплела, посмеялся бы всякий здравомыслящий человек, однако Десмонд почему-то поверил ей сразу, лишь только услышал из ее уст почти безупречную английскую речь. Теперь понятно, почему «Марьяшка» оказалась столь способна к изучению иностранных языков – и столь бездарна как прислуга. Ей ведь и самой всю жизнь служили – и звали, конечно, не Марьяшкой, а Мариной Дмитриевной, вашим сиятельством, княжной!

А он... а он-то...

Олег тоже хорош! Это же надо – не признать свою соседку! Хотя он, помнится, что-то такое говорил, будто здешнюю барышню держат в строгости... не видел ее давно, оттого и не узнал. Господи, за что, ну за что она виноватит Десмонда?! Он ведь хотел поступить благородно, хотел спасти ее! Почему не пошел, не объяснил недоразумение перед хозяевами имения? А правда, почему? И мысли такой не вошло ни ему, ни Олегу! Ну, Чердынцев терпеть не мог соседей, считал все объяснения напрасными. А он-то, Десмонд Маккол?.. Он просто-напросто не в силах был расстаться с этой красотой, внезапно открывшейся ему посреди вьюжной, метельной, хмельной ночи. словно бы среди сугробов расцвел вдруг цветок... в сердце его расцвел! Рот ее и впрямь был похож на розовый цветок, и нежен, сладок он был, и создан для поцелуев, а тело – для любви. И глаза... эти невероятные, не то серые, не то голубые, не то зеленые глаза ее... Глядя на нее, он словно бы всем существом своим погружался в некую поэтическую тайну. Лишь глядя! Что же бывало с ним, когда он и впрямь погружался в нее?..

Десмонд до боли стиснул зубы. Вот это ему и нужно сейчас – боль, которая отрезвит.

Никогда не надо подавлять первых побуждений! Захотелось застрелиться, узнав, что обесчестил русскую княжну, силою увез из родного дома и продолжал бесчестить в течение нескольких недель, – вот и надо было тотчас же стреляться. Теперь, по крайней мере, был бы избавлен от всяческих объяснений. Да и что тут можно объяснить? Что их первая встреча в очередной раз доказала правоту великого Сервантеса, сказавшего: «Между женским «да» и «нет» иголка не пройдет!»? Но истинный джентльмен скорее откусит себе язык, прежде чем скажет благородной даме: вы, сударыня, хотели меня так же, как я вас! Нет, она считала себя рабыней, вынужденной подчиняться прихотям своего господина. И сейчас она помнит лишь то, как он насиловал ее сегодня. Омерзительно, омерзительно... омерзительнее всего, что жгучий стыд уживался в его душе с отчаянием. Не будет больше сладостных вздохов, нежности лона. Ох, как она уставилась на его бедра, какой ужас в этих глазах!

Ничего. Он загладит свою вину. Есть только одно средство спасти ее честь – и свою. Жениться. Но... Что скажет Алистер? Что начнется дома?!

И тут же Десмонд вспомнил, что старший брат мертв, и сказать ему никто ничего не скажет, и ничего не начнется, потому что «начинать» некому. Да, он теперь сам себе господин, и никто не посмеет ему возражать, даже если он явится в родовой замок Макколов в сопровождении целого гарема. Нет, его родне, слугам и фамильным привидениям бояться нечего: он привезет с собою всего лишь одну... жену. Леди Маккол.

Он выпрямился, расправил плечи, подавив нелепое желание прикрыть ладонями то место, где праотец Адам носил фиговый листочек. Дьявольщина! Ее взгляд словно иголками колет! Десмонд стиснул зубы, подавляя сладостные судороги, пронизывающие его чресла, и проскрежетал:

– Прошу вас оказать мне честь и стать моей женой! Бог весть, чего он ожидал от этих слов... Ну, может быть, она упала бы в обморок, или зарыдала бы, или кинулась бы ему на шею... Об этой возможности Десмонд мог только мечтать, и, кажется, еще ни о чем на свете он не мечтал так страстно – и так напрасно, ибо девушка, сузив глаза (где они, слезы счастья?!), отпрянула – и прошипела в ответ:

– Да я лучше умру!

Ого! Ну и дошлый достался ей «лорд»! Он оказался еще умнее, чем думала Марина! Умнее – и хитрее... Прогодали ее опекуны. Думали, избавились от племянницы? Ничуть не бывало! Просто к ней в придачу навязали себе на шею еще и зятя!

Нет, не видать Марине родительского наследства! Но и опекунам его не видать. Все по праву супруга приберет к рукам этот фальшивый лорд, этот голоштанник, этот... Ну уж нет! Он может связать ее и приставить пистолет к виску, только тогда она скажет «да»!

Все это или примерно это она ему и выпалила. Думала, он разъярится, но лицо его стало таким... таким ледяным, что Марина впервые испугалась. Да, кажется, только сейчас он впервые по-настоящему разозлился. Что же он с ней сделает? Опять распнет на постели, утверждая свою власть? Или изобьет? С него станется – вон какой лютой ненавистью сверкают его глаза!

Она бестолково замельтешила руками, пытаясь понадежнее и стыдное место прикрыть, и лицо защитить от возможного удара, – но упустила миг, когда злодей на нее набросился.

* * *

На море по-прежнему царил полный штиль. Прежде капитану Вильямсу только слышать приходилось о таких внезапных переменах погоды, тем паче – в исхоженном вдоль и поперек Ла-Манше. Он знал, что моряки, желая в шторм провести корабль в какую-нибудь укромную бухточку, выливают на взбунтовавшиеся волны несколько бочек масла. И чудилось, некая всевластная рука проделала то же самое со всем проливом, усмирив бурю внезапно и бесповоротно.

Море стояло, как неподвижное стекло, великолепно освещаемое закатным солнцем. Не видевшему сего невозможно было представить бесконечно гладкое пространство вод, сияющее отраженными солнечными лучами. Так, наверное, выглядело зеркало, в которое смотрелся сам лучезарный Феб! [11 - Феб, Аполлон – бог искусства, красоты, иногда – олицетворение солнца в античной мифологии.] Казалось, что в мире не осталось ничего, кроме воды, неба, солнца и корабля.

Эта картина, способная до слез восхитить стороннего наблюдателя, тем не менее наполняла сердце капитана Вильямса глубочайшим унынием. Полный штиль! Паруса висели без действия, корабль не шевелился; матросы сидели понурясь. Бог весть, когда придет ветер. А тут еще этот несчастный соотечественник – лорд Маккол.

Пожалуй, так гнусно на душе у Вильямса не было с тех пор, как он бросил тело злосчастной маркизы Кольбер в море. Найти упоение в родимой земле она не имела возможности, а в чужой, английской, – не захотела, вот и завещала свое тело морским волнам, которые, может быть, коснутся когда-нибудь любимых французских берегов. И ведь похороны случились приблизительно в этом месте! Проклятое, заколдованное место...

Капитан покосился на субъекта, идущего рядом. Подбородок выпячен, плечи развернуты, голова вскинута – вид надменный и уверенный. Никто не угадает, какие кошки скребут на душе у этого молодого, красивого, богатого – и столь

злополучного человека. Вот живое подтверждение высказывания, что блестящая наружность и блестящее положение в обществе никого не делают счастливым. Ах, право, как жаль... как жаль, что Россия – не столь варварская страна, какую Маккол ее описывал при первой встрече! Как жаль, что милорд не отказался от навязанного ему подарка! Как жаль, что жизнь так нелепа!

И с этой мыслью капитан Вильямс вошел в единственную пассажирскую каюту на пакетботе, в которой ему предстояло совершить нечто столь несусветное, что он малодушно предпочитал думать, будто спит и видит сон.

Пожалуй, да... такое можно было увидеть только в страшном сне... Он ведь ожидал увидеть девицу, рыдающую над потерей своей чести, однако довольную предстоящим браком с высокородным джентльменом. Представлялось ему и алчное лицо авантюристки, с трудом скрывающей восторг, что в ее сети попал человек с таким положением и богатством. Однако от зрелища, ему открывшегося, Библия вывалилась у капитана из рук и с грохотом ударилась об пол.

То, что он увидел в углу каюты, напоминало не приготовления к бракосочетанию, а скорее сценку из жизни дома умалишенных. Обмотанная обрывками простыней по рукам и ногам и привязанная к кровати полуголая девушка... Лицо ее было наполовину скрыто тряпками, так что виднелись только глаза, сверкающие отчаянием и ненавистью.

– Немного странный наряд для невесты, вы не находите, милорд? – выдавил наконец капитан Вильямс, и Маккол изобразил на своих презрительно поджатых губах усмешку.

– Клянусь, вы правы, капитан. Мне он тоже не по вкусу. Однако ничего другого я ей не могу предложить. Впрочем, не сомневайтесь: едва мы окажемся в Дувре, моя жена получит лучшее, что можно будет найти в тамошних лавках, а уж в Лондоне на Бонд-стрит она может устроить истинную оргию покупок!

Тело на кровати слабо забилося... едва ли от восторга, подумал капитан Вильямс. Слова «моя жена» вызвали у нее ярость! Но почему?.. И только тут его осенило: похоже, что жертва Маккола не хочет выходить за него замуж! Но ведь это удача для милорда, зачем же он...

– Обряд венчания предполагает слова «да» или «нет», сказанные женихом и невестой, – сухо промолвил он. – Сдается мне, я услышу от дамы только «нет», а потому позвольте мне откланяться и вернуться позднее, когда вы договоритесь получше.

– Получше мы не договоримся, – покачал головою Маккол. – Моя невеста заявила, что скорее умрет, чем выйдет за меня замуж. Ну а я скорее умру, чем смогу жить с таким пятном на моей чести и совести. Потому, капитан, прошу вас слегка отступить от общепринятых правил. Слегка отступить – и все-таки обвенчать нас.

– Но я не могу, не могу... – в совершенной растерянности забормотал капитан, подхватывая с полу Библию и пятясь к двери. – Я совершенно не могу...

– Можете, – успокоил его Маккол, стремительным движением заступая путь. – Уверяю вас! – И он выхватил из-за борта сюртука пистолет. – Видите? Он заряжен. Поэтому, капитан...

Вильямс вытаращил глаза.

Разумеется, он не испугался. Ну и что будет делать Маккол? В самом деле стрелять? И попадет в тюрьму, взойдет на эшафот – даром что лорд! Он понимает это, не может не понимать. Откуда же эта непреклонная решимость в лице?

Вильямсу внезапно сделалось жаль этого безумца. Он напоминал обреченного, который угрожает смертью своею палачу, чтобы тот поскорее отрубил ему голову. Бред какой-то! Нелепость!

– Вы, сударь, спятили, – сказал капитан сердито. – Извольте, я исполню вашу волю. Спорить с сумасшедшим? Слуга покорный! Мне только хочется узнать, что вы предпримете для того, чтобы эта леди сказала вам «да»?

– Сейчас узнаете, – кивнул Маккол, перехватил пистолет левой рукой, а правой дернул какую-то завязку, сорвав ткань с лица девушки.

Она глубоко вздохнула, но прежде, чем хоть один звук вырвался из ее рта, Маккол с ловкостью фокусника выхватил из-за пояса еще один пистолет и уткнул ей в висок. Девушка содрогнулась – и замерла с приоткрытым ртом, устремив на Вильямса остановившиеся от страха глаза.

– Вы... вы не посмеете... – пробормотал капитан, чувствуя, что у него подкашиваются ноги.

– Хотите рискнуть? – с кривой улыбкой спросил Маккол, и Вильямс увидел, как дрогнул его палец на спусковом крючке. – Между прочим, девиз нашего рода: «Лучше сломаться, чем склониться!» Клянусь, что убью ее на ваших глазах, но виновны в этом будете вы.

– Как так? – опешил Вильямс.

– Ну это же вам хочется поглядеть, хватит ли у меня решимости, – невозмутимо пояснил Маккол. – А я – человек азартный. Ради того, чтобы свою правоту доказать, случалось, такие пари заключал! Знаете, на выстрел? Мне не в новинку убивать, капитан. Поэтому, если вам угодно...

– Нет! – хрипло выкрикнул капитан, ненавидя себя за малодушие. Он ведь понимал, что Маккол его дурачит, однако... однако... а если нет?

– Ну что ж, вот и хорошо, – кивнул Маккол. – Венчайте нас, да поскорее. Ого! – усмехнулся он, ощутив, как вдруг накренился, качнулся корабль. – Похоже, ветер набирает силу, наполняет паруса и готов нести нас к английским берегам? Весьма кстати! Итак, капитан, прошу вас поспешить с обрядом, а если вам кажется, что на один из вопросов леди ответит «нет», лучше пропустите этот вопрос.

Но она ответила «да». А что ей еще оставалось делать?!

Леди Маккол

– Ну, миледи, прошу прощения, вы уж скажете... Кринолин! Да последний кринолин, думается мне, попал на гильотину вместе с ее французским величеством Марией-Антуанеттой! Разве вы не заметили, что ни кринолинов, ни фижм теперь не носят?!

Глаза дамы так сверкнули, что модистка прикусила язычок. Все-таки ей платят не за то, чтобы она подкалывала своих клиенток, даже если они и являются к ней поздним вечером одетые в какое-то неопишное тряпье и требуют платья, не просто давно вышедшие из моды, а ставшие посмешищем. Ну, предположим, все было так, как говорит кузен этой дамы: в Кале перед самым отправлением пакетбота на них напали французские разбойники и украли весь багаж. И времени у них оставалось лишь на то, чтобы купить у первой попавшейся простолюдинки самую убогую одежду и белье, потому что путешественницу обчистили буквально до нитки, забрав даже ее белье. Про столь мелочных грабителей мисс Грейс (так звали модистку) слышать еще не приходилось. Впрочем, от этих французов всего можно ожидать: отрубили же они голову своим королю и королеве, что враз поставило эту нацию за грань цивилизованности!

Мисс Грейс старалась не вспоминать о том, что почти столетие тому назад добропорядочные англичане показали всему миру пример публичного царубийства. Но ведь тогда был обезглавлен лишь только король, а королеве удалось скрыться. И вообще: что дозволено Юпитеру, не дозволено быку! Но французов мисс Грейс не любила, что да, то да, а потому не звалась «мадам», как того требовала мода Бонд-стрит [12 - Улица Лондона, где расположены самые модные и дорогие лавки.], и предпочитала обращаться за фасонами не к французским картинкам, а к немецкому «Журналу роскоши» или к английской «Галерее мод». И все они единогласно гласили: кринолинов, пудренных париков, туфель на высоких каблуках, шнурованных корсажей не носят уже сто лет... в смысле, лет пять, не меньше! И шляп, на полях которых можно было разместить цветочную или фруктовую лавку, – тоже!

Похоже было, что у этой дамы украли не только белье и платье, но и половину памяти. А лучше бы взяли хоть часть ее строптивости! У мисс Грейс то и дело возникало ощущение, будто эта леди едва сдерживается, чтобы не влечь ей пощечину. Такие нравы иногда привозили вернувшиеся в Англию жены чиновников из Вест-Индии [13 - Так долгое время называли Америку.] или самой Индии: им, как правило, не хватало терпения добраться до столицы, и они начинали покупать новые туалеты уже в Дувре. Что же, может быть, леди и

впрямь набралась своих замашек у покорных индийцев, хотя ни следа жаркого южного солнца не было заметно ни на ее лице, ни на лице ее кузена...

При воспоминании о нем мисс Грейс мечтательно прищурилась: улыбка милорда способна околдовать кого угодно, и он прекрасно знает о собственной неотразимости. Как печально, что такой обходительный джентльмен в родстве с истинной дикаркой! Мисс Грейс не проведешь: никакая это не кузина, а обычная вульгарная соержанка. Уж и не поймешь, чем она его привлекла? Сложена, конечно, премило, хотя и не очень грациозна, тяжеловата. Лицо... лицо было бы красиво, научись она не показывать своих чувств, а то они так и вспыхивают в этих странных, широко расставленных глазах, ломают крутые брови, морщат большой рот, усиливая негармоничность черт. Ну а ее манеры... Да господь с ней, мисс Грейс потерпит: ведь заплачено по-королевски!

И она, воздев на лицо улыбку, вновь принялась рассказывать о том, что юбки верхние шьют с подборами, а нижние – из кисеи, так, чтобы легко разлетались при ходьбе, не стесняя движений, и непременно нужно закупить кашемировых ост-индских шалей – если миледи угодно, она сейчас же пошлет за ними, чтобы можно было выбрать дюжину подходящих по цвету. Или лучше две дюжины?..

Марина слушала эту трещотку почти с отчаянием. Конечно, ей нужно было новое красивое платье, и шаль нужна... но зачем так много?! Сколько она себя помнила, после смерти родителей у нее было по одному платью на лето и зиму, чаще же летом она бегала в сарафане или в юбчонке с рубашонкой. Она всегда мечтала о роскошных нарядах, но сейчас, когда эта мечта начала воплощаться в явь, вдруг растерялась. Самое главное, она никак не могла понять, зачем этот Десмонд Маккол, с которым ее обвенчал запуганный, недоумевающий капитан («в горе и радости, в болезни и здравии, чтобы найти и не потерять, чтобы иметь и хранить...»), тратит время и деньги на ее туалеты. Ну, понятно, деньги он теперь может позволить тратить. Ведь она принадлежит ему со всем своим состоянием! О, черт бы побрал малодушного капитана! Он испугался – Марина видела: он испугался, поверил, что Маккол выстрелит в висок своей невесте. Хотя и Марина верила: да, выстрелит. Другое дело, что из второго пистолета он тут же убил бы себя... Это она знала доподлинно, чувствовала всем существом своим, как будто Десмонд поклялся ей в этом. Странный был миг, когда она могла читать в его глазах и в сердце! Жаль, что так быстро этот миг миновал и супруг ее оказался такой же загадкой, какую был жених. Марина не сомневалась, что они отправятся в обратный путь через пролив на первом же судне, а потом помчатся в Россию, чтобы «лорд» мог завладеть бахметевским

наследством, однако Маккол сообщил Марине, что они незамедлительно отправятся в его замок (он так и сказал – castle, ей-богу... врал, конечно, там у него небось какая-нибудь развалюха!), поскольку его ждут неотложные дела. А затем... затем он произнес, не глядя на Марину, словно стыдился ее (или себя?):

– Мы с вами во всем чужие люди. Вы мне не верите – более того, не желаете верить, а потому вам никогда не понять, почему я поступил именно так, как я поступил. Честь диктует свои законы... для вас это пустой звук, однако теперь вы – честная женщина. Более того, по всем законам божеским и человеческим вы принадлежите мне и я имею на вас все права. И все-таки... все-таки сейчас я не приказываю, а прошу вас. Прошу! Готовы ли вы выслушать мою просьбу?

Опять-таки – что ей оставалось делать? Она ведь была по-прежнему связана, а пистолеты свои «лорд» все еще не убрал. Поэтому она прохрипела – «да». Снова «да»! И вот что сказал Маккол:

– Титул свой я получил совсем недавно: унаследовал после смерти старшего брата. Правильнее сказать, трагической гибели. Не прошло и года... конечно, срок траура уже кончился, однако, согласитесь, родственники мои, знакомые, соседи, прислуга, арендаторы – все еще подавлены случившимся. И мое появление в качестве молодожена, у которого сейчас медовый месяц, с супругой, которая меня ненавидит (почудилось Марине, или и впрямь прозвучала горькая нотка в его голосе?), будет не просто нарушением приличий, но даже кощунством. Дело даже и не в этом: я должен найти убийцу брата, и всякий скандал будет мне в том помехой. Поэтому... поэтому я предлагаю: наш вынужденный брак остается тайным. Вы приедете в Маккол-кастл под своим именем – мисс Марион Бахметефф, – и я представлю вас как свою кузину.

– Ну, если вы каждому будете тыкать в висок пистолетом, они, может быть, в это поверят, – не сдержалась Марина. – Чушь какая! Вы – англичанин, я – русская. Мы, может быть, братья и сестры во Христе, но...

– Не такая уж это чушь, – перебил «лорд», наконец-то убрав пистолет, словно только сейчас о нем вспомнив. – Я ведь наполовину русский. Моя покойная матушка была вашей соотечественницей. Я пытался объяснить вам, что возвращаюсь из поездки, связанной с моим русским наследством, но вы и слушать не стали. Впрочем, сейчас речь о другом. Итак, я представлю вас племянницей матушки, скажу, что пригласил вас погостить в обмен на гостеприимство, мне оказанное. Возможно, кому-то совместное путешествие

кузенов покажется не вполне приличным, однако... однако это лучше, чем то, что произошло в действительности.

Марина даже отвечать не стала. У нее дыхание сперло от воспоминания, как он держал ее под колени, широко разведя их в стороны, и... и... И теперь он задумался о приличиях?! Да никогда в жизни она не станет ему потворствовать. Этот «лорд» – насильник, разбойник! Пусть не ждет от нее...

– Погодите, – торопливо сказал Маккол, очевидно, понявший по хищной вспышке ее глаз, какой ответ его ожидает. – Погодите, это еще не все. Итак, вы будете жить в замке, и спустя некоторое время я стану проявлять к вам романтический интерес. Конечно, сейчас вы ненавидите меня, но кто знает, может быть, через некоторое время...

Он нерешительно взглянул на Марину, а она ответила насмешливым взглядом: мол, поверить в мою к вам благосклонность может только такой самонадеянный идиот, как вы!

– Может быть, через некоторое время мы обвенчаемся по всем правилам, и, хотя перед богом мы уже муж и жена, мы станем таковыми и перед людьми, – продолжал Маккол. – Но если... если ваша ненависть и с течением времени окажется сильнее разума и обстоятельств, мы... мы расстанемся, причем вы сможете потребовать от меня всего, чего пожелаете, в возмещение причиненного вам ущерба. Клянусь, я это исполню. И даже если вы пожелаете, чтобы я застрелился на ваших глазах... Нет, сейчас я этого не сделаю, – торопливо сказал он, увидав, какой надеждой расцвело вдруг ее лицо, – но потом, скажем, через полгода, когда я уже наверняка найду и покараю убийцу Алистера, я уплачу вам любой штраф, какой вы захотите. Нечего и говорить, – понизил он голос, – что я не прикаснусь к вам в это время, а буду вести себя как почтительный родственник.

Тут он запнулся, и Марина готова была поклясться, что он с трудом удержался, чтобы не сказать: «Разве что вы меня сами об этом попросите». И его счастье, что он не сказал, потому что... кажется, и без того много она ему наговорила, однако уж наша бы, что ответить на такое оскорбление!

– Сегодня 31 января, – продолжил он, – итак, 31 июля или я женюсь на вас по вашей воле, или по вашей воле умру. Ну, вы согласны?

– Да! – в восторге вскричала она. – Да, о да!

Жаль, капитан Вильямс этого не слышал.

* * *

В конце концов она, конечно, исполнила все, что от нее хотела эта бесцеремонная модистка. Куда проще было соглашаться, чем спорить. Вот так всегда бывает в жизни: пойдешь на одну уступку, а это оказывается лишь первое звено в нескончаемой цепочке других. Но что означает такая мелочь, как фасон платья, после того, как она сказала «да» при венчании? Ясно, что придется ближайšie полгода идти у лорда на поводу. Да и вообще: едва увидев берег Дувра, покрытый снегом, с высокими башнями, где был зажжен огонь для безопасности мореплавателей, она почувствовала уже не неприязнь, а интерес к этой неведомой земле.

Пассажиры, усталые после почти десятичасового плавания, дрожали от стужи. Шлюпка подошла совсем близко к берегу, но никто еще не чувствовал себя в безопасности: в любую минуту могла разразиться новая буря, унести лодку в необозримую морскую или ударить о подводные камни, погрузить в шумящие бездны. И Марина ощутила нетерпение: ей так же, как другим, хотелось поскорее сойти на берег... чтобы через полгода наконец получить награду за все страдания, которые она перенесла по милости этого человека, этого лгуна, этого...

Невероятным усилием она усмирила гнев, вновь вскипающий в крови. Что проку злиться? К тому же если он и лгун, то не во всем: вот ведь и впрямь стоит близ пристани карета, вот идет от нее высокий человек в плаще, подает руку Макколу, помогая сойти на берег, кланяется, бормоча:

– Милорд, я счастлив видеть вас, я счастлив... позвольте...

«О боже, значит, он и в самом деле лорд?!» – изумилась Марина.

– Полно, Сименс, – перебил его Десмонд, с легкостью выскакивая из шлюпки. – Я знаю все, что вы можете мне сказать. Да, благодарю. Однако лучше помогите этой леди. Мисс Бахметефф, рекомендую: Сименс, камердинер моего отца,

затем брата, затем... очевидно, мой?

– Я служу только милордам.

На бритом, устрашающе брдастом лице высокого, статного, весьма почтенного и невозмутимого господина (ей-богу, он и сам выглядит как значительная персона) не отразилось ничего, хотя, Марина могла поклясться, он уже отметил вопиющее убожество ее одеяния. Разумеется, сарафан, рубаху и платок не стали выставлять на всеобщее обозрение: Десмонд через совершенно подавленного капитана купил у какой-то пассажирки за баснословные деньги старый-престарый плащ. Именно тогда в первый раз пошла в ход байка о французских разбойниках, которая потом у всех в зубах навязнет!

– Мисс Бахметефф – моя кузина, племянница покойной матушки. Она поживет у нас некоторое время, – сообщил Десмонд, и Сименс покорно поклонился Марине.

Может быть, у него и были какие-то вопросы, однако он не посмел их задать. Правда, при упоминании леди Маккол его лицо слегка смягчилось, и Марина подумала, что это выдуманное родство может сослужить ей неплохую службу. А вот интересно, какую гримасу скорчил бы этот невозмутимый лакей, узнай он истинный титул «кузины»! Скажи ему Десмонд: «Это – леди Маккол. Кланяйся в ножки, дурак, целуй барыне ручку и говори: ваш раб по гроб жизни моей, токмо милостями вашими жив, век за вас буду бога молить...» Впрочем, здесь и слов-то таких не знают, она, кажется, забыла, где находится!

– Миледи, – отвесил новый поклон Сименс. – Какая жалость, что я не знал о вашем прибытии. Из-за позднего прибытия милорда я взял на себя смелость заказать номер в гостинице, однако... это только один номер...

– Не стоит извиняться, – беспечно ответил Десмонд, и у Марины подогнулись ноги: а ну как он скажет, мол, нам не привыкать спать в одной постели? Ой, нет... перед этим истуканом, таким важным, таким разодетым... – У вас будет время заказать еще одну комнату и ужин на двоих: мы с мисс Марион намерены сейчас же проехаться по здешним лавкам, надеюсь, некоторые из них еще открыты... Не так ли, кузина Марион?

И она снова сказала «да».

* * *

Ни свет ни заря Марина в новой шляпке, шали, в новом платье, меховой накидке, новых чулочках, ботинках – во всем, короче говоря, новехоньком, сидела у окна дорожной кареты, запряженной восьмеркой лошадей и стремительно летящей по дороге в Лондон. Спала она как убитая, Маккол блюл свое обещание и приличия, а после весьма увесистого завтрака, состоявшего, как и ужин, из жареной говядины, земляных яблок [14 - Так называли картофель.], пудинга и сыра, они отправились в путь, – и Марина неотрывно глядела в окно, думая о том, как разительно переменилась ее жизнь. Пожалуй, только черти могли занести ее сюда на коровьей шкуре... а все же она в Англии! В Англии, о которой ей все уши прожужжал некогда мистер Керк. Пожалуй, как ни отвратительно относились к ней дядюшка с тетушкой, Марине все-таки есть за что их благодарить. Некоторые пункты отцовского завещания они исполняли свято, и до самого последнего времени Марина имела достаточно знающих свой предмет учителей. Управляющий их петербургским домом продолжал покупать и отсылать в имение все новейшие книги и последние газеты. У тетки, конечно, сердце разрывалось от жадности по причине «впустую» потраченных денег, однако же Марине не запрещалось читать, и это в значительной мере скрашивало ее унылую, печальную жизнь. Она прочла даже Ла-Портов «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового Света» во всех его двадцати семи томах, причем том про Англию благодаря мистеру Керку был вообще зачитан до дыр. И сейчас ее не оставляло ощущение, что она не впервые видит эти холмы, покрытые темным лесом, и глубокие долины с журчащими ручьями, и вечно смеющееся море, иногда мелькавшее за лесом. Снега не было в помине, сверкало солнце. Великолепная Темза, покрытая кораблями из всех частей света, вела их, подобно проводнику, и еще не стемнело, как впереди, в тумане, они увидели Лондон.

Сердце Марины так и забилося. Конечно, зрелище живого города никак не напоминало ту гравюру, по которой они столько раз «гуляли» с мистером Керком, когда он рассказывал о достопримечательностях этого великого города, а все-таки она узнала купол собора Святого Павла, который гигантом вставал над всеми другими зданиями. Невдалеке поднимался сквозь дым и мглу тонкий высокий столп – монумент, сооруженный в память пожара, который некогда превратил в пепел большую часть города – да и прежний собор, на месте которого мистером Кристофером Реном был воздвигнут новый. Через несколько минут взору открылось и Вестминстерское аббатство, древнее готическое здание, а затем и другие церкви и башни, парки и рощи, окружающие Лондон... Город изумлял своей огромностью: тут все было колоссально-величаво,

неизмеримо, беспредельно. По правой стороне, между удивительных, не поддающемуся зеленым берегам, сверкала Темза, возвышались бесконечные корабельные мачты, подобно лесу, опаленному молниями, но Марина на них уже не смотрела. Куда больше ее привлекали улицы.

Улицы тесны. Везде подле домов маленькие дворики, устланные дерном, а также сделаны для пешеходов широкие намокры, и, хотя на мостовых везде грязь и пыль, ноги у пешеходов были чисты. Марина не поверила глазам: служаночка в синей юбке и чепце мыла намокр перед домом! Грязная вода стекала в какие-то отверстия, бывшие на каждом шагу... оттуда высунулся косматый человек и погрозил служанке. Приехала телега, и туда стали сыпать уголь. В другое отверстие сбежал мальчишка с узлом, из третьего валил пар, словно там шла огромная стирка... Похоже было, что при каждом доме имеются такие отверстия – истинные западни для задумавшихся прохожих, которые спешат, заглядываясь на витрины богатых лавок и магазинов, наполненных всякого рода товарами, индийскими и американскими сокровищами, которых запасено тут на несколько лет на всякий вкус. Марина с удовольствием вспомнила, как Десмонд предупредил Сименса о том, что они задержатся в Лондоне не меньше чем на два дня: мисс Марион придется посетить Бонд-стрит, ибо с ее багажом произошла неприятная история... ну и так далее. Именно здесь, в этих многочисленных лавках, и приобрели, конечно, свои чудные наряды англичанки, которых Марина видела тут и там – выглядывающими из карет, бегущими по улицам. Женщины показались ей очень хороши; одевались они просто и мило, все без пудры и румян, а их шляпки были, верно, выдуманы грациями. Англичанки, все как одна худощавые, порою даже сухопарые, ходили, будто летали: за июню два лакея с трудом успевали бежать. Маленькие ножки, выставляясь из-под кисейной юбки, едва касались до камней тротуара; на белом корсете развевалась ост-индская шаль (Марина не без ревности рассматривала узоры); на шаль из-под шляпки падали светлые локоны.

По большей части англичанки были белокуры, и Марина подумала, что по сравнению с ними ее русые волосы покажутся даже темными. Почему это ее обеспокоило, Марина не понимала, но пристально вглядывалась в личики, мелькавшие перед ее глазами. Англичанок, пожалуй, нельзя было уподобить розам; нет, они почти все были бледны. Поэт назвал бы их лилиями, на которых от розовых закатных облаков мелькают розовые оттенки; ну а Марине их личики показались фарфоровыми и какими-то... словно бы нарочно сделанными. Во всяком случае, дамы все казались прехорошенькими, элегантными, изысканными, – в отличие от джентльменов. Они были так невозмутимы и молчаливы, что чудилось, будто еще со сна не разгулялись или чрезмерно

устали. И все в синих фраках, очевидно, это был любимый цвет лондонцев.

Сумерки сгущались, синие силуэты таяли в вечерней синеве. И вдруг – Марина ахнула – то там то здесь засветились фонари. Оказалось, что их здесь тысячи, один подле другого, и куда ни глянешь, везде пылали светильники, которые вдали казались огненной непрерывной нитью, протянутой в воздухе.

Не сдержав удивления, она всплеснула руками.

– Восхитительно, не правда ли? – послышался негромкий голос за ее плечом. – Несколько лет назад некий прусский принц прибыл в Лондон. В город он въехал ночью и, видя яркое освещение, подумал, что город иллюминирован для его приезда.

Марина хотела пропустить реплику Десмонда мимо ушей, но вдруг вспомнила, что она за день ему и слова не сказала. Сименс небось уже голову ломает над странными отношениями кузенов. Конечно, делает скидку на русскую дикость. Ну и шут с ним! Пусть думает что хочет!

Так ничего и не сказав, она снова уткнулась в окно, однако карета уже остановилась перед отелем, и разглядывать сегодня Марине было нечего.

Следующие два дня и впрямь увенчались оргией покупок, и к концу второго Марина утратила счет вышитым ридикюлям, замшевым, кисейным, лайковым и шелковым перчаткам, шелковым и кожаным туфелькам, ажурным чулочкам, батистовым сорочкам, соломенным, фетровым, атласным, бархатным и кружевным шляпкам и чепцам, косынкам, платкам и шарфам, корсетам, амазонкам, нижним юбкам, пелеринам, панталонам, чулкам, пеньюарам, жакетикам, платьям... о господи, всего этого не перечесать, не запомнить!

Ничего. Она постарается. Постарается. Главное, что до 31 июля осталось уже на четыре дня меньше!

Родственники и родственницы

Они двигались на запад, и дыхание моря становилось все ощутимее.

– Конечно, я бы предпочел корабль, – однажды сказал Десмонд Сименсу, – быстрее, удобнее...

– И опаснее, – добавил тот.

Марина не могла не согласиться: и опаснее.

Ужас и безнадежность, пережитые во время шторма, порою воскресали в душе, и она думала тогда, что природа славно подшучивала над ней в последнее время: в ночь ее похищения выдалась устрашающая вьюга; для того, чтобы к ней вернулась память, был устроен внезапный шторм; а для того, чтобы этот «лорд» мог закрепить все права на нее, – столь же внезапный, почти неестественный штиль. Надо думать, 31 июля будет иметь место настоящее светопреставление, когда звук и вспышка одинокого выстрела просто-таки потеряются в грохоте и блеске молний, а струя крови будет мгновенно смыта ливневым потоком. На меньшее Марина была не согласна! Но это еще когда будет... Пока же она предпочитала, чтобы сияло солнце.

Ей никогда не случалось задумываться о свойствах своего характера; сама она считала себя существом довольно унылым, хотя порою и вспыльчивым до безобразия. Впрочем, то, что она называла унынием, было скорее неосознанным умением применяться к обстоятельствам – вернее, все их применять к себе на пользу. В жизни ее было так мало радости и любви, что она научилась ценить самые малые их проявления, и даже в гнусный, дождливый, промозглый октябрьский день ее способен был привести в восторг и умиление желто-алый кленовый лист, прилипший к стеклу, словно последний привет усталого солнца. Во всем, что бы ни случалось с ней в жизни, Марина прежде всего искала хоть малую толику радости, которая не даст душе погрязнуть в пучине уныния. И всегда ведь что-то маячило в будущем, ради чего стоило жить и терпеть: новая книга, которую должны прислать из столицы со следующей почтой; рождение жеребенка у любимой кобылки Зорюшки; цветение яблонь в саду – мимолетное, но счастье; в конце концов, желанное двадцатилетие – далекая звезда, знамение освобождения, светила постоянно. Теперь же к ней прибавилась как бы еще одна, куда более близкая звездочка – 31 июля. Мелькнула было мысль, что Маккол откажется исполнить обещанное, однако Марина тут же отогнала ее, как всегда отгоняла от себя всякие мелкие досады. Пусть попробует! И вообще – это когда еще будет! А пока – надо радоваться каждому дню, внезапному

путешествию в диковинную страну Англию, обилию нарядов в баулах, венчающих крышу кареты, ощутимо осевшей под тяжестью багажа мисс Бахметефф, великолепию погоды...

Январь, январь на дворе, приходилось постоянно напоминать Марине, когда она глядела на свежую зеленую траву, в которой там и сям вспыхивали под солнцем журчащие ручейки: в них превратился мимолетно выпавший снежок. Деревья, кроме сосен, стояли голые, однако же среди них виднелся кустарник с жесткими темно-зелеными листьями, много было можжевельника, усыпанного лиловыми шишечками-ягодками, и все это придавало округе вид праздничный и нарядный.

Дороги были необыкновенно хороши: или мощенные камнем, или так плотно убитые, что не страшна им была никакая грязь и ростепель. Марина вспомнила, каково будет в марте-апреле в России, где малейший дождь делал глинистые пути непроезжими.

Дорога становилась оживленнее. Близ нее виднелись сады, огороды, жилища. Марина смотрела во все глаза. Ее очаровали сельские домики с соломенными крышами, оплетенные розами и плющом до самой кровли и густо осененные деревьями. Конечно, розы еще не цвели, а все же зрелище было очаровательное!

Постепенно дома делались внушительнее. У них были красные черепичные крыши, и люди, стоявшие на крылечках, казались одетыми лучше, чем простые селяне. Они приветливо махали проезжающей карете, и Марина заметила, что Десмонд иногда машет в ответ.

«Какие приветливые здесь люди, – подумала она, не удержавшись, чтобы, в свою очередь, не помахать очаровательной девчужке с волосами, как белейший лен, которая припустила к карете, что-то весело крича. – А этот-то... кузен... небось возомнил, что они в его честь здесь повыстроились. Ну в точности тот немецкий принц, который вообразил, что фонари в его честь горят!»

– Мы уже близко, – вдруг обратился к ней кузен, и Марина вздрогнула от неожиданности: тот заговорил по-русски. Очевидно, чтобы не понял Сименс, скромно притулившийся на боковом сиденье. – Просить вас хорошо себя вести с мой дядючка, тетучка и мой слуги. Понимайте?

– Понимайте, – обреченно кивнула Марина. – Значит, и у вас тоже имеется «тетучка»? Никакого от них спасения! О господи, ну не могла я, что ли, попасть к другому лорду, сироте круглому?!

Десмонд воззрился вопросительно, и Марина поняла, что сказанное ею – за пределами его понимания.

– Так и быть, – отмахнулась она. – Назвался груздем – полезай в кузов. Стерплю и тетучка, и дядючка твои... но ты уж попомнишь все это!

– О, yes, – пробормотал Десмонд, и Сименс, напряженно вслушивавшийся в непонятную речь, облегченно вздохнул, услышав знакомое слово.

– Арендаторы все с нетерпением ждут приезда вашей светлости! – Он сделал широкий жест к окнам, и Марина воззрилась на машущих людей с изумлением: никак они и вправду приветствуют фальшивого лорда? Неужто он не врал, и это все – его земля? И эти леса, и чудное озеро, блеснувшее за частоколом елей, словно загадочный взор из-под ресниц, и эта звенящая тишина, и пение птиц, и высоченные кованые ворота, и тенистая дубовая аллея, за которой красовалось величественное строение, окруженное зеленым ковром изящного газона?!

Запыленная карета, влекомая разгоряченными лошадьми, описав круг, остановилась у высокого крыльца. Вышел Сименс, затем Десмонд подал руку Марине. Она сошла, как во сне, не видя, куда ступает, видя лишь купол, венчающий фасад, а за ним – башни, поднимающиеся до высоты огромных деревьев, освещенных заходящим солнцем.

Настоящий замок! Как в сказке! Как на картинках! Настоящая крепость – и в то же время изящная, легкая, белоснежная, с башнями, украшенными сиреневой и золотистой черепицей, – восхитительный, солидный и роскошный, изящный и легкий одновременно замок сказочных фей!

Марина так увлеклась созерцанием, что не заметила, как на крыльцо высыпали люди.

Мелькали алые с позолотою ливреи – это кланялись бесчисленные лакеи, причем голову каждого венчал белый паричок. Затем заколыхались, ныряя в реверансах, черные платья горничных. Служанки показались Марине все на одно улыбающееся лицо: миленькие, розовощекие, белокурые. Лишь одна из них оказалась черноглазой брюнеткой, смуглой и яркой. Марина невольно задержала на ней взгляд и встретилась с напряженным, немигающим взором, который, впрочем, тут же обратился на лицо милорда и зажегся тем же восторгом, каким горели глаза других слуг.

Десмонд улыбался, смеялся, пожимая руки, что-то быстро говорил, щипал за тугие щеки девушек... Марина глядела разиня рот. Да ведь она никогда не предполагала, что он умеет улыбаться! А они все воспринимают это как должное, и девицы не смущаются, когда он с ними поигрывает взорами. Она-то полагала англичан людьми сдержанными! Впрочем, это представление ее уже не раз рушилось – верно, будет рушиться и впредь.

– О, Агнесс! – воскликнул вдруг Десмонд, оборачиваясь к девушке, стоящей поодаль. Это была та самая брюнетка. Теперь она держала глаза потупленными, а руки скромно прятала под накрахмаленный передничек. – И ты здесь! Я-то думал, что застаю тебя уже замужем!

– Как милорд мог подумать такое, – не поднимая глаз, прошептала Агнесс, и каждое слово ее сделалось слышно благодаря полной тишине, внезапно установившейся вокруг. Все взоры были устремлены на них двоих, и Марина вдруг поняла, что присутствующим до смерти любопытно услышать каждое слово из этого разговора.

– Ну, не прибедняйся, Агнесс! – Десмонд приподнял за подбородок опущенное личико. – Я-то помню, скольким парням ты вскружила головы!

– Быть может, милорд помнит, что мне никто не был по сердцу... – Агнесс приоткрыла губы, переведя дыхание, – кроме... – Она больше ничего не сказала, только вскинула свои яркие глаза, но по толпе слуг пронесся вздох, словно все услышали невысказанное.

«Кроме вас!» Она хотела сказать: «Кроме вас!» – вдруг поняла Марина. – Да она же влюблена в него! Она от него без ума!»

Грудь Агнесс вздымалась так часто, что Десмонд не мог не обратить на это внимания. Глаза его сползли от влажных, манящих глаз к пухлым приоткрытым губкам, потом к свежей шее, потом с видимым интересом уперлись в эту неистово колыхающуюся грудь, словно Десмонд всерьез задумался: выдержит ли черное платье этот напор или порвется?

А Марина вдруг почувствовала, что задыхается. Все-таки горничная на постоялом дворе зашнуровала корсет слишком туго. А ведь она раньше никогда не носила корсетов. Зачем ей? Талия у нее и без того тонкая и грудь, слава богу, наливная. А вот грудь Агнесс... можно поклясться: она выпирает так лишь потому, что девчонка затянута не в меру. Вот было бы забавно, кабы она сейчас хлопнулась в обморок, бесстыдница! А все-то на нее как выпялились, словно только и ждали этого бесплатного представления! Нет, пусть Маккол и не солгал, что владеет замком, но все-таки он никакой не лорд, ибо настоящий лорд никогда не позволит себе так заглядеться на горничную. Надо это прекратить. Он выставляет себя посмешищем, и если ему на это наплевать, то его «кузина» не желает выглядеть дура душой!

Она уже двинулась вперед, чтобы приблизиться к Десмонду и тычком поувесистее неприметно привести его в чувство, как вдруг на крыльце показалась какая-то белая фигура, и Марина замерла на полушаге, с воздетой рукой, ибо перед нею было самое странное существо на свете.

Даже юродивым в их веригах и цепях, даже полуголым нищим с их обнаженными, изуродованными культиями было далеко до этой особы, выбежавшей на крыльцо, мелькая серебристыми шелковыми туфельками из-под серебряного парчового платья, которое распирал самый широкий кринолин из всех, виденных когда-либо Мариной. Платье так сверкало под солнцем, что слепило глаза, однако все же нельзя было не заметить, что кое-где оно протерлось, и прорехи не зашиты, и оборвалась отделка, и обтрепалось жесткое кружево, и вообще – платье кое-как напялено и даже не застегнуто на спине, прикрытой длинными лохмами полуседых волос и рваной, замусоленной фатой. Придерживая сухой, как бы цыплячьей лапкою те жалкие остатки, в которые время превратило веночек из флердоранжа, едва сидевший на ее растрепанной гриве, эта жуткая невеста простерла дрожащую ручонку и пропищала дребезжащим, но довольно пронзительным голоском:

– Брайан! О мой ненаглядный Брайан! Наконец-то ты вернулся ко мне!

И чучело в фате прямиком кинулось на шею Десмонду, который, против Марининого ожидания, не грянулся оземь, где стоял, не кинулся прочь, вопя от ужаса, а весьма нежно сжал сухие лапки, цеплявшиеся за него, и сказал так ласково и тихо, словно утешал плачущее дитя:

- Нет-нет, дорогая Урсула, я не Брайан, увы. Посмотри на меня - и ты увидишь, что я не Брайан.

- Не Брайан? Нет? - пролепетало странное существо.

Залитые слезами глаза в набухших морщинистых веках трогательно уставились на молодого человека - и вдруг улыбка взошла на сухие, дрожащие уста:

- Нет, ты... Десмонд! Ты в самом деле мой маленький Десмонд! И ты вернулся!

- Ну конечно, я вернулся, Урсула. Как же я мог не вернуться к лучшей тетушке в мире! - И он так звучно расцеловал сухие, пергаментные щеки, покрытые толстым слоем румян, что старая дама засмеялась от радости. Смех ее напомнил звон колокольчиков, и Марина вдруг с ужасом поняла, что и у нее глаза наполняются слезами. Впрочем, они всегда были на мокром месте, а где уж удержаться при такой чувствительной сцене!

«Это и есть «тетучка», - поняла Марина. - Ну что ж, она хоть и спятила, но довольно мила. Немудрено, впрочем, спятить при таком племяннике! А «дядючка», надо думать, тоже не в себе?»

Вышеназванный не заставил себя ждать. С возгласом:

- Погоди, Урсула, погоди! - на крыльцо выскочил высокий сухощавый джентльмен и замер, увидев улыбку Десмонда и услышав смех старой дамы. - Так ты приехал! - всплеснул он руками.

- Разумеется, - пожал плечами Десмонд, и нежная улыбка, с какой он смотрел на тетушку, уступила место довольно-таки ехидной. - Очень рад видеть тебя, Джаспер.

«Не похоже», - подумала Марина.

Впрочем, не похоже было, что и этот самый «дядюшка» рад племяннику. И он как-то очень старательно делает вид, что его застали врасплох. Конечно, он прекрасно знал о том, что приедет Десмонд, – зачем же эта комедия? «А ведь он не больно-то любит моего милорда! – вдруг догадалась Марина. – Пожалуй, терпеть его не может!»

Она с новым интересом взглянула на Джаспера Маккола. Лет под пятьдесят, сухой, как жердь, лицо какое-то желтое, отсутствующий, плывущий взор очень светлых (наверное, это фамильная черта) глаз, небрежно уложенные полуседые волосы, но все еще довольно красив. Портит его только подбородок – мягкий, слабый, почти срезанный. У Десмонда вон какой воинственный подбородок! И на нем ямочка – будто след поцелуя...

– Десмонд! – новое восклицание заставило Марину вздрогнуть и разогнало напряжение, воцарившееся, пока дядюшка и племянник молча мерили друг друга неприязненными взглядами.

На крыльце стояла женщина, и первым чувством Марины при виде ее было изумление: она-то думала, что окажется почти темноволосой в этой стране блондинок, а нет – еще одна брюнетка! Девушка сбежала с крыльца, солнце заиграло в ее волосах, и Марина увидела, что они не черные, как у красотки Агнесс, а темно-каштановые. Впрочем, это не мешало незнакомке тоже быть красоткой. Причесанная а la Tituse, с этими роскошными каштановыми кудрями, она была необыкновенно изящна и миниатюрна, вся, от тщательно уложенных локонов до кончиков пальцев прелестных рук, протянутых к Десмонду. На одном из пальцев сверкала изумительный бриллиант. У нее были огромные голубые глаза, точеные черты, зовущий рот; пурпурная шаль, красиво задрапированная вокруг стана, бросала теплый розовый отсвет на ее лилейные щеки.

Она была красива... очень красива, безусловно красива, и при взгляде на черное кружево и черный атлас ее платья, которые потрясающе контрастировали с яркостью лица, Марина ощутила себя простушкой в своем новеньком муаровом платьице соломенного цвета, покрытом испанским кружевом, с гирляндой фиалок на подоле. Как это его угораздило так измяться? Просто тряпка... бесцветная тряпка! А ведь это платье еще утром казалось ей восхитительным, и Марина вполне вошла в образ красивой, кокетливой, богатой кузины! Теперь она обнаружила, что смотрит на незнакомку с тем же испуганно-завистливым выражением, с каким смотрели все остальные женщины, от старушки Урсулы до горничных. В том числе Агнесс, которая так теребила свой наглаженный и

накрахмаленный передник, что совершенно измяла его. И глаза смуглой горничной наполнились слезами, когда незнакомка вдруг оказалась в объятиях Десмонда.

Девушка едва доставала ему до середины груди, и Марина ощутила себя не только невзрачной, плохо одетой простушкой с тусклыми русыми волосами, но и верстой коломенской к тому же. Ей почему-то захотелось плакать...

Кстати сказать, красавица уже плакала!

– Джессика, – пробормотал Десмонд, обнимая хрупкие плечи, обтянутые сверкающим шелком. – Я не ждал увидеть тебя здесь...

Она рыдала, ничего не говоря, наверное, не в силах справиться со слезами, и деликатный Сименс, словно заботливый пастух, погнал в дом прислугу, всюю глазевшую на господ. Агнесс шла последней, все время ревниво оглядываясь, и дело дошло до того, что Сименсу пришлось втолкнуть ее в дверь, которую он потом плотно притворил и стал возле с выражением исполненного долга на лице – гладко выбритом и в то же время производившем впечатление мохнатого.

– Ты приехала встретить меня, Джессика? Как мило, – продолжал бормотать Десмонд, и Марина подумала, что никогда еще не видела его столь озадаченным, даже там, на пакетботе, когда она заговорила с ним по-английски. – Джессика теперь живет у нас, – пояснил Джаспер, с непостижимым выражением озирая племянника, державшего в объятиях изящную фигурку. – Дом ее сгорел, миссис и мистер Ричардсон погибли при пожаре, ну и...

– Бог ты мой! – перебил Десмонд. – Какое несчастье! И какое счастье, что ты осталась жива! Тебя в это время не было дома?

Джессика кивнула, и это движение заставило ее прижаться к Десмонду еще крепче.

– Джессика в это время была у нас, – возвестил Джаспер, очевидно, взявший на себя роль истолкователя и переводчика невысказанного. – Они с Алистером в этот день намеревались объявить о помолвке, но примчался верховой и сообщил, что Ричардсон-холл сгорел... А назавтра погиб Алистер. – Он резко отвернулся, и Марине почему-то показалось, что этот человек раздосадован. Не

то сказал больше, чем намеревался, не то вовсе не договорил чего-то...

– Алистер... о мой Алистер! – глухо выкрикнула Джессика, с такой силой цепляясь за плечи Десмонда, что ее тонкие пальцы побелели.

– Какой кошмар! – выдохнул Десмонд. – Да, я вижу... кольцо у тебя на пальце. Семейное кольцо леди Маккол... – Он побледнел, и в глазах его появилось такое растерянное выражение, что Марина пожалела бы его, если бы могла пожалеть своего погубителя. – Так ты была невестой Алистера?! Я не знал. Мы всегда любили тебя как сестру. Алистер – как младшую, я – как старшую.

«Ему двадцать пять, а брату, он, помнится, обмолвился, было тридцать. Значит, ей не меньше двадцати шести – двадцати восьми. А то и больше! – с острым чувством превосходства подумала Марина, которой в сентябре должно было исполниться двадцать. – Старая дева, бедняжка. Безнадежная старая дева! И теперь ясно, почему на ней черное платье: траур».

Непонятная тревога ее прошла, теперь она могла с искренним сочувствием смотреть на узкие плечики, дрожащие от рыданий под ладонями Десмонда.

– Мы любили друг друга, а потом он покинул меня! Он умер! – вдруг вскричала Джессика, отстраняясь и заламывая руки. Лицо ее было залито слезами, и все равно даже сейчас она была такая красавица, что у Марины, знавшей, как безобразно у нее опухают веки и краснеет нос от малейшей слезинки, снова защемило сердце. На сей раз от чувства, вполне объяснимого: от зависти.

– Алистер! Мой ненаглядный Алистер! – Рыдая, Джессика бросилась в дом – верно, в полном отчаянии.

И вдруг Урсула, доселе стоящая недвижимо, как статуя, заломила руки – в точности как Джессика! – и, воскликнув с тем же отчаянием:

– Брайан! Мой ненаглядный Брайан! – тоже кинулась во всю прыть в замок, но остановилась на крыльце, согнувшись, закрыв лицо руками.

Некоторое мгновение Десмонд и Джаспер тупо смотрели вслед, потом переглянулись. Десмонд шагнул было к Урсуле, но дядюшка махнул рукой, и

племянник послушно остался на месте.

- Она сейчас успокоится, - шепнул Джаспер. - К этому надо привыкнуть. Утешать ее бесполезно, все проходит само.

- Она очень постарела, - тихо сказал Десмонд.

- Еще бы! - пожал плечами Джаспер. - Неудивительно! Она не может забыть Брайана, а тут смерть Алистера - и хоть не в день свадьбы, но все же накануне помолвки. Это всех потрясло.

- Да, - устало сказал Десмонд. - Теперь мне понятен несколько... э-э... взвинченный тон твоего письма. Иметь дело с двумя покинутыми невестами - это, конечно... представляю!

- Пока не представляешь, - покачал головой Джаспер. - Но у тебя все впереди, потому что это отныне - твои заботы. Хоть за это я благодарю бога!

Нотка с трудом сдерживаемой ярости прозвенела в его голосе, и Десмонд бросил на дядюшку острый взгляд.

- Вот даже как? Значит, все по-прежнему? - спросил он с расстановкой. - Ты терпеть не мог Алистера, теперь ненавидишь меня? Но ведь ни он, ни я не повинны в том, что дед завещал, чтобы после смерти моего отца Маккол-кастл перешел к его сыновьям, минуя тебя?

- Это против всех правил, - глухо пробормотал Джаспер, понурясь. - Против закона, чести, совести! Старик невзлюбил меня за то, что я один осмеливался с ним спорить! Твой отец слова поперек не решался сказать, хоть и ненавидел его так же, как и я. Но он был хитер, оттого и слыл любимчиком, в то время как я...

- Ты уехал, - мягко проговорил Десмонд. - Я знаю, что ты уехал, ты путешествовал, они считали тебя погибшим. А когда ты вернулся...

- Можешь не рассказывать мне о том, что я сделал! - взвизгнул Джаспер, вскинув голову, и Марину поразила неподвижность его черт и опустошенность взора, хотя в этой тщедушной груди, чудилось, бушевали неистовые страсти. - И

вообще – хватит обо мне!

– Прости, – пробормотал Десмонд. – Прости меня, я не хотел...

– Ничего, – тяжело дыша, молвил Джаспер. – Ничего, я сам виноват. А письмо мое... да, я был болен, когда писал его.

– Малярия снова? – сочувственно спросил Десмонд, и Марине показалось, что он очень жалеет этого своего странного дядюшку.

– Малярия всегда, – усмехнулся Джаспер. – Но я привык, хотя в последнее время приступ следовал за приступом. Джессика ухаживала за мной. Вообще, надо сказать, что весь дом держался на Джессике. Она страстно любила Алистера, и пережить его... – Он вдруг запнулся, как если бы забыл какое-то слово, и продолжил несколько невпопад: – Помогли только домашние дела, которые так и рухнули на нее. Ну и Сименс, конечно, стоял как скала, благослови его господь.

– Сименс, о да! – вздохнул Десмонд. – Он все такой же! По-прежнему вынюхивает ведьм?

Джаспер на миг приложил палец к губам и нарочно громко продолжил:

– И все-таки тебе придется очень многое налаживать, ездить в Лондон.

– Ничего, судьба! – усмехнулся Десмонд.

– Вот-вот. Так же говорил и Алистер, – кивнул Джаспер, и Марина даже выронила ридикюль, вздрогнув от того неприкрытого злорадства, которое прозвучало в его голосе.

На ее невольное движение обернулись и дядя, и племянник и уставились на нее с выражением одинаковой озадаченности: будто на незваную гостью.

– Простите, сударыня, не имею чести... – нетвердо начал Джаспер.

– Боже праведный! – Десмонд звонко хлопнул себя по лбу. – Да ведь я совсем забыл! Это же моя... – Его заминка была почти неощутима, но у Марины вдруг неистово забилось сердце: сейчас он скажет: «Моя жена, леди Маккол!» Что будет?! – Моя русская кузина, племянница покойной матушки. Ее зовут мисс Бахметефф, мисс Марион Бахметефф!

От внезапного приступа разочарования и злости Марина едва не грохнулась в обморок. Удержало ее на пороге беспамьятства только выражение безграничного изумления, вспыхнувшего в глазах Джаспера. Десмонд-то этого не видел: он как раз отвернулся от дядюшки, с опаской поглядывая на «кузину» и явно ожидая от нее какого-нибудь подвоха. Светлые брови Джаспера так и взлетели.

– Племянница Елены?! – нетвердо повторил он. – Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Старой девой (старин.).

2

Так в старину называли бакенбарды.

3

Мисс Бахметев... мистер Чердынцев... Прошу прощения, сэр!

4

Судья (англ.).

5

Вьюга, метель (старин.).

6

Персонаж античной мифологии, супруга которого, Алкмена, родила Геракла от Зевса. Амфитрион стал ему любящим отцом. Позднее, особенно после одноименной комедии Ж. Б. Мольера, это имя стало синонимом чрезмерно снисходительного супруга, извлекающего выгоды из своих рогов.

7

Заиндевел (старин.).

8

Черт! (англ.)

9

Близ берегов.

10

Свободой, равенством и братством! (фр.) Эти слова были девизом французской революции.

11

Феб, Аполлон – бог искусства, красоты, иногда – олицетворение солнца в античной мифологии.

12

Улица Лондона, где расположены самые модные и дорогие лавки.

13

Так долгое время называли Америку.

14

Так называли картофель.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/strashnoe-gadanie-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)